

ДЖ. П.
ДЕЛЕЙНИ

Автор бестселлеров
по версии The New York Times
и The Sunday Times

ВЕРЬ МНЕ

«Мрачный и запоминающийся
триллер... Пробуждает
противоречивые эмоции,
никогда не догадаешься,
что произойдет дальше.
Превосходно».

Daily Mail

**НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР**

Дж. П. Делейни
Верь мне
Серия «Новый мировой триллер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51625643
Верь мне : [роман] / Дж. П. Делейни ; [перевод с английского А. В. Пудова, под редакцией А. Борькиной].: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-117280-0

Аннотация

Клэр Райт в отчаянии. Она изучает актерское мастерство в Нью-Йорке и в отсутствие грин-карты берется за единственную работу, которую может получить, – быть «приманкой» для неверных мужей в барах, работая на адвокатскую контору, специализирующуюся на разводах.

Но однажды правила игры меняются.

Муж клиентки становится подозреваемым в жестоком убийстве жены, и полиция просит Клэр использовать свои актерские таланты, чтобы под руководством изощенного полицейского психолога выудить признание у подозреваемого.

С самого начала Клэр сомневается в виновности Патрика Фоглера. Но не является ли ее растущая уверенность в его невиновности признаком того, что она слишком глубоко вжилась в свою роль, – а может, это полиция совершает ужасную ошибку?

Она понимает, что влюбляется в свою «цель», и начинает задаваться вопросом: кто же в действительности из них двоих «приманка», а кто – жертва?

Вскоре Клэр осознает, что играет самую смертельную роль в своей жизни.

Содержание

Пролог	7
Часть первая	10
Часть вторая	105
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Дж. П. Делейни

Верь мне

Майклу

*Ты играешь своими шрамами.
Шелли Уинтерс*

*Ни один человек не может так долго быть
двуликим: иметь одно лицо для себя, а другое –
для толпы; в конце концов он сам перестанет
понимать, какое из них подлинное¹.
Натаниэль Готорн, «Алая буква»*

JP Delaney
BELIEVE ME

Серия «Новый мировой триллер»

¹ Пер. с *англ.* Н. Емельянниковой, Э. Линецкой.

Перевод выходит с разрешения Ballantine Books, им-
принта издательства Random House, подразделения Penguin
Random House LLC

Перевод с английского *Артема Пудова*

© JP Delaney, 2018

© Пудов А., перевод, 2019

© Лиза Колосова, перевод стихов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

В день отъезда гостям следует освободить номер до полудня.

К одиннадцати часам шестой этаж отеля «Лексингтон» почти опустел. Это центр Манхэттена, где даже туристы находятся под гнетом расписания галерей, универмагов и достопримечательностей. Все, кто спит допоздна, просыпаются от шума горничных, болтающих друг с другом на испанском. Они приходят и уходят из прачечной рядом с лифтом, готовят комнаты к очередному наплыву сегодня днем.

Разбросанные по коридору подносы с завтраком указывают, какие комнаты должны быть убраны.

За дверью номера на террасе подноса нет.

Утром в каждый номер доставляют экземпляр «Нью-Йорк Таймс» с приветствиями от администрации отеля.

На террасе приветствие отвергнуто. Нетронутая газета лежит на коврике, а табличка «НЕ БЕСПОКОИТЬ» висит над ним на ручке.

Консуэла Альварес оставляет террасу напоследок. В конце концов, когда все остальные комнаты убраны, она больше не может тянуть. Женщина морщится от боли в пояснице: этим утром она уже сменила кучу комплектов белья и вымыла дюжину душевых кабинок. Консуэла стучит в дверь пропуском, произносит: «Горничная», – и ждет ответа.

Ответа нет.

Первое, что женщина замечает, входя, – холод: сквозь шторы задувает ледяной ветер. Она неодобрительно что-то бормочет, подходит к окну и дергает за шнур.

Комнату заливают серый свет.

В номере бардак. Она слегка демонстративно захлопывает окно. Человек в постели не шевелится.

– Пожалуйста... просыпайтесь, – произносит Консуэла смущенно.

Простыни натянуты постояльцу прямо на лицо. Контур тела сглажены, словно погребены под снегом.

При взгляде на осколки опрокинутой лампы и разбитого бокала Консуэлу внезапно охватывает дурное предчувствие. В прошлом году на втором этаже произошло самоубийство. Неудавшийся бизнес. У молодого человека была передозировка в ванной. Все номера были забронированы, а от них требовалось к пяти убрать и подготовить номер для следующего жильца. Сегодня на террасе она тоже увидела нечто необычное, даже странное. Кто ложится спать, оставляя на ковре осколки стекла, на которые рискуешь наступить на следующий день? Кто спит, укрывшись простыней с головой? Консуэла повидала много гостиничных номеров, и сцена, возникшая перед ней, кажется какой-то неестественной.

Даже нарочитой.

Консуэла крестится. Нервничая, кладет руку на покрывало туда, где должно быть плечо, и трясет его.

Через мгновение под ее рукой на белом полотне простыни расплывается красный цветок.

Женщина знает: сейчас что-то происходит не так, творится что-то очень плохое. Консуэла снова касается покрывала, на этот раз нажимая одним пальцем. Снова, как чернила, растекающиеся по папиросной бумаге, на простыне возникает красный лепесток.

Консуэла собирает все свое мужество и левой рукой откидывает одеяло.

Еще до того, как она осознает, что именно увидела, ее рука произвольно тянется вверх, чтобы снова перекреститься. Но теперь она замирает на полпути, так и не достигнув лба, и, дрожа, зажимает рот, откуда вырывается пронзительный крик.

Часть первая

Пятью днями раньше

1

Мой друг еще не пришел.

Вот что вы подумали бы, увидев меня здесь, сидящей в баре корпоративного нью-йоркского отеля, в попытках помочь моей Деве Марии продержаться весь вечер. Просто еще одна молодая профессионалка, ждущая своего кавалера. Может, чуть более нарядная, чем некоторые из здешних женщин. Я не выглядела, как будто только что из офиса.

На другом конце бара компания молодых людей пьет и шутит. Они толкают друг друга в плечо – хотят доказать свою точку зрения. Один из них – симпатичный, элегантно одетый, спортивный – привлекает мое внимание. Он улыбается. Я отворачиваюсь.

Вскоре в конце зала освобождается столик. Я беру стакан и сажусь за него. Тут внезапно разворачивается следующая сценка:

Нью-Йорк, 44-я западная улица, бар отеля «Дельтон»,
ночь.

Мужчина
(агрессивно)
Простите?

Передо мной стоит некто. Бизнесмен лет сорока пяти, в дорогом костюме повседневного кроя, наводящем на мысль, что мужчина не просто обычный исполнительный трутень. На воротник ниспадают волосы, несколько длинноватые для Уолл-стрит.

Он зол. *Очень* зол.

Я
Да?

Мужчина
Это *мой* столик. Я отходил в туалет.

Он показывает на ноутбук, выпивку и журнал, которые я каким-то образом умудрилась не заметить.

Мужчина
Это *мой* напиток. *Мои* вещи. Ясно ведь, что столик занят.

Люди поворачиваются в нашу сторону, но ни конфликта, ни типичного нью-йоркского напряжения не будет. Я уже

поднимаюсь, закидываю сумку на плечо. Обстановка разряжена.

Я
Извините, я не поняла. Найду другое место.

Я делаю шаг назад и беспомощно оглядываюсь по сторонам, но все места, включая мое предыдущее, уже заняты. Больше некуда садиться. Краем глаза чувствую, как незнакомец окидывает меня взглядом, пробегает глазами по дорожному жакету Джесс от Донны Каран, который она держит для прослушиваний, по мягкому темному кашемиру, оттеняющему мою бледную кожу и темные волосы. Мужчина осознает, какую глупую ошибку он совершает.

Мужчина
Подождите... Я думаю, мы могли бы сесть вместе.

Он указывает на стол.

Мужчина
Здесь есть место для нас обоих. Я как раз заканчивал работу.

Я
(благодарно улыбаясь)

О, спасибо.

Я кладу сумку на место и сажусь. На какое-то время воцаряется тишина, и я стараюсь ее не нарушать. Теперь его очередь.

Конечно, когда мужчина снова начинает говорить, его голос слегка меняется – он становится более хриплым и густым. Меняются ли женские голоса подобным образом? Я должна как-нибудь с этим поэкспериментировать.

Мужчина

Вы кого-то ждете? Держу пари, его задержал снег. Вот почему я остаюсь еще на одну ночь – в Ла Гардиа полнейший хаос.

Я улыбаюсь про себя, потому что это на самом деле довольно мило: он пытается выяснить, кого я жду, мужчину или женщину, и в то же время показывает мне, что он здесь один.

Я

Думаю, я могла бы провести здесь некоторое время.

Он кивает на мой опустевший стакан.

Мужчина

В таком случае, могу я предложить вам еще? Кстати, меня зовут Рик.

Из всех баров во всех городах мира...²

Я

Спасибо, Рик. С удовольствием выпью мартини. Я – Клэр.

Рик

Рад познакомиться, Клэр. Извините за то, что сейчас произошло.

Я

Да нет, это моя ошибка.

Я говорю так беспечно, с такой явной благодарностью, что сама удивилась бы, узнав, что это ложь.

Но это не ложь, а *искреннее поведение в воображаемых обстоятельствах*. Что, как вы потом увидите, совсем другое.

Официантка принимает заказ. Когда она отходит, мужчина за соседним столиком наклоняется к ней и начинает возмущаться из-за забытого заказа. Я смотрю, как она угрюмо вытаскивает ручку из-за уха, словно может вынуть слова изо рта у клиента и стряхнуть их на пол.

Думаю, *мне бы тоже это пригодилось*. Я прячу это где-то

² Цитата из фильма «Касабланка» (1942).

глубоко внутри и сосредотачиваюсь на человеке напротив.

Я

Что привело вас в Нью-Йорк?

Рик

Работа. Я адвокат.

Я

Не верю.

Рик выглядит озадаченным.

Рик

Почему же?

Я

Все адвокаты, которых я встречала, неприглядные и скучные.

Он отвечает на мою улыбку.

Рик

Я работаю в музыкальном бизнесе. В Сиэтле. Нам нравится думать, что у нас чуть более захватывающая профессия, чем у среднестатистического адвоката по уголовным делам.

А что насчет вас?

Я

Чем зарабатываю на жизнь? Или считаю ли свою профессию увлекательной?

К нашему обоюдному удивлению, сейчас мы немного флиртуем.

Рик

И то, и другое.

Я киваю на удаляющуюся официантку.

Я

Ну, раньше я занималась тем же, чем и она.

Рик

До какого момента?

Я

Пока не поняла, что есть более интересные способы оплаты съемного жилья.

Легкая, почти неощутимая тишина, когда зарождается идея, почти всегда заметная в чужих глазах. Мужчина пере-

бирает в уме возможные значения сказанного мной. Пока не решает, что чересчур зациклился.

Рик

А откуда вы, Клэр? Я пытаюсь определить акцент.

Виргиния, черт тебя побери. Отсюда и то, как я рифмовала «закон» в «адвокате» с «парнем»³.

Я

Я оттуда... откуда вы захотите.

Он улыбнулся по-волчьи и нетерпеливо, что лишь доказывало – *я была права*.

Рик

Оттуда я девушек никогда раньше не встречал.

Я

А вы встречались со многими девушками, верно?

Рик

В командировках я действительно получаю, скажем так, некоторую долю удовольствия.

³ Каламбур. Производное слово от «закон» (англ. *law*) – «адвокат» (англ. *lawyer*), первый слог которого рифмуется с «парнем» (англ. *boy*) (*прим. ред.*).

Я
Перед тем, как улетите к жене и детям в Сиэтл.

Рик хмурится.

Рик
Почему вы думаете, что я женат?

Я
(ободряюще)
Это те, за кем я обычно охочусь. Те, кто умеют веселиться.

Теперь Рик уже уверен, но не торопится. Мы потягиваем напитки, и он рассказывает мне о своих клиентах в Сиэтле – о знаменитом кумире подростков, любящем несовершеннолетних девочек, и мачо – звезде тяжелого металла. Он гей, но не может признаться в этом. Он рассказывает, делая явный акцент на том, сколько денег можно заработать в его профессии. Контракты составляются для тех, кто по своему темпераменту вряд ли будет их соблюдать. Им требуются услуги таких людей, как Рик – и для заключения договора, и для его последующего расторжения. И наконец, когда на меня производят должное впечатление слова нового знакомого, он предлагает, поскольку мой друг, очевидно, уже не придет, перейти в какое-нибудь другое место, ресторан или

клуб – как мне больше нравится.

Рик

(мягко)

Мы могли бы просто заказать обслуживание номеров. Я останусь наверху.

Я

Это может быть дорого.

Рик

Как хочешь. Выбирай. Бутылка шампанского, икра...

Я

Я имею в виду – обслуживание номеров может быть дорогим... когда я берусь за дело.

Теперь все по-честному. Только не реагируй на только что сказанное, не улыбайся и не отводи взгляд. Ничего страшного. Ты постоянно так делаешь.

Просто не обращай внимания на стук в груди, на тошноту.

Рик удовлетворенно кивает.

Рик

Я тут не один по работе, верно?

Я

Ты меня раскусил, Рик.

Рик

Если ты не возражаешь, Клэр, я скажу – ты не из таких.

Пришло время признаться.

Я

Просто я...

Рик

Чем же ты занимаешься?

Я

Я из тех, кто приходит сюда ради бесплатных курсов актерского мастерства. Каждые пару месяцев я хожу сюда, веселюсь... И проблема сама собой исчезает.

На другой стороне холла регистрируется семья. Маленькая девочка лет шести, одетая для поездки в город в пальто, вязаную шапочку и шарф, хочет увидеть, что происходит за стойкой портье. Отец поднимает дочку, ставит ногами на ее чемодан с изображением слона, и она восторженно растягивается на стойке, пока менеджер выдает карточки с ключами. Одну из них он с улыбкой вручает девочке. Мужчина по-

кровительственно придерживает рукой спину ребенка, чтобы девочка не соскользнула.

Я чувствую знакомый укол зависти и боли.

Выталкиваю лишние мысли из головы и возвращаюсь к разговору с Риком. Он наклонился вперед. Его голос стал тише, глаза заблестели.

Рик

И насколько же ты готова повеселиться сегодня вечером, Клэр?

Я

Думаю, это можно обсудить.

Рик улыбается. Он адвокат. Переговоры – часть игры.

Рик

Скажем, триста?

Я

Столько берут в Сиэтле?

Рик

Поверь мне, в Сиэтле за это платят много.

Я

Во сколько тебе обошлась твоя самая дорогая женщина,
Рик?

Рик

Пятьсот, но это было...

Я

(перебивая)

Сумма удваивается.

Рик

(ошеломленно)

Ты серьезно?

Я

Да, конечно. Я ведь обычная девушка, которая всего лишь хочет повеселиться, и поэтому стою тысячу долларов, однако, если ты передумал...

Я нарочито небрежно тянусь за сумкой. Надеюсь, Рик не заметит, как дрожит моя рука.

Рик

Нет, подожди-ка... Тысяча. Хорошо!

Я

Номер комнаты?

Рик

Восемь четырнадцать.

Я

Я постучу в дверь через пять минут. Только не смотри консьержу в глаза.

Он встает.

Рик

(восхищенно)

Трюк со столом был весьма ловким. Ты забрала меня прямо перед носом бармена.

Я

Ты должен сам этому научиться. Тогда-то и получишь удовольствие.

Рик доходит до лифта и оглядывается. Я киваю ему и незаметно улыбаюсь.

Улыбка на моем лице исчезает, как только захлопывающиеся двери скрывают меня. Я беру сумку и иду к выходу.

Исчезаю.

Снаружи наконец-то перестал идти снег, пожарные гидранты, стоящие вдоль тротуара, одеты в белые снежные парики. Чуть дальше по улице меня ждет черный лимузин с выключенными фарами и работающим двигателем. Я открываю заднюю дверцу и сажусь.

Жене Рика около сорока пяти. Она выглядит утомленно, но дорого. Это наводит на мысль, что когда-то она сама была на музыкальной сцене – еще до того, как начала устраивать деловые обеды Рика и рожать детей. Она сидит на заднем сиденье рядом с Генри и дрожит, несмотря на теплый воздух, хлещущий из обогревателей.

– Все в порядке? – тихо спрашивает Генри.

– Да, – говорю я и вытаскиваю из сумки маленькую видеокамеру.

Мой вирджинский акцент пропадает. С обычным британским выговором кидаю реплику его жене:

– Послушайте, я скажу то, что всегда говорю в таких ситуациях, а именно – вам необязательно смотреть это. Вы можете просто пойти домой и попытаться все уладить.

Жена Рика произносит то же самое, что и все остальные женщины до нее:

– Я хочу знать.

Я протягиваю ей фотоаппарат.

– Как выяснилось, он регулярно пользуется услугами проституток, причем не только во время командировок. Рик

сказал, что платит до пятисот долларов в Сиэтле, и только что предложил мне тысячу.

Глаза женщины наполнились слезами.

– Боже. Боже.

– Мне очень жаль, – неловко говорю я. – Рик ждет меня в номере восемьсот четырнадцать, если хотите, то пойдите и поговорите с ним.

В глазах жены не только слезы, но и гневный огонь. *Запомни этот момент.*

– Я, конечно, поговорю с адвокатом, но это будет специалист по разводам, а вовсе не мой муж.

Женщина поворачивается к Генри:

– Я бы хотела уехать.

– Конечно, – спокойно отвечает тот.

Когда мы выходим из машины, Генри садится за руль, а я иду дальше по своим делам; он незаметно передает мне конверт.

Четыреста долларов. Неплохо для вечерней подработки.

В конце концов, Рик был подонком. От него у меня мурашки бежали по коже. Высокомерный и агрессивный. К тому же обманщик. Он заслуживает всех обвинений, которые жена собирается в него бросить.

Так почему же, когда лимузин уезжает по грязному серому снегу, я чувствую себя мерзко и отвратительно от всего мною содеянного?

Теперь вам интересно, кто я на самом деле и что делаю здесь, в Нью-Йорке. Другими словами, моя биография.

Имя: Клэр Райт

Возраст: 25 (может играть 20–30-летних)

Рост: 1,7 м.

Национальность: британка

Цвет глаз: карий

Цвет волос: меняется

Таковы факты, но на самом деле не они вас интересуют. Вы хотите знать, чего я *хочу*. Это правило номер один, день первый, первое, что вы узнаете: *именно желания определяют вас как личность*.

Я говорила Рику правду – по крайней мере часть правды. Я хочу становиться другими людьми. И никогда не хотела ничего другого.

В любом списке десяти лучших актерских школ мира около половины будут в Нью-Йорке: Джульямс, Тиш, «Театр по соседству» и так далее. Все учат вариациям одного и того же подхода, основанного на идеях великого русского режиссера Константина Станиславского. Речь идет о погружении себя в часть чужой истины до тех пор, пока она не станет частью

вас.

В нью-йоркских школах актерского мастерства актеров не учат *играть*. Там учат *становиться другим*.

Если вам посчастливилось пройти первый тур и быть приглашенным в Нью-Йорк на прослушивание; если вам посчастливилось получить место; если актерская игра была всей вашей жизнью с тех пор, как вам исполнилось одиннадцать (маленькая девочка, убегающая от однообразия унылых приемных семей, притворяясь кем-то другим), тогда вы один из тысячи и были бы безумцем, если бы не приняли это.

Я импульсивно подала заявление на курс актерской студии. Там училась Мэрилин Монро, которая тоже выросла в приемной семье. Я прослушивалась со странным убеждением, что это должно было произойти, и приняла итог в мгновение ока.

Они даже назначили мне стипендию, которая покрывала часть платы за обучение, но не компенсировала расходы на проживание в одном из самых дорогих городов мира.

Согласно условиям студенческой визы, я могу работать, если моя работа находится в кампусе. *Кампусом* служил университет Пейс – тесный современный квартал, примыкавший к Ратуше и Бруклинскому мосту. Там было не так уж много возможностей для неполной занятости.

Мне удалось устроиться официанткой в бар «Адская кухня». Я бегала туда три раза в неделю после занятий, но у владельца был бесконечный запас молодых женщин на выбор, и

он не считал нужным слишком долго оставлять их на работе. Если налоговая или иммиграционная служба начнут проверку, он всегда сможет заявить, что их бланки были отправлены по почте. Через два месяца владелец весьма недоброжелательно сообщил мне, что пришло время убираться восвояси.

Один из моих преподавателей, Пол, предложил мне поговорить с его знакомым агентом. Я нашла его по адресу – узкий дверной проем в довоенном квартале, испещренном пожарными лестницами, в самом конце 43-й улицы, и поднялась по лестнице на третий этаж в самый крошечный офис из всех, где мне приходилось бывать. Все поверхности были завалены фотографиями, сценариями и контрактами. В первой комнате по обе стороны от тесного письменного стола сидели два ассистента. Мое имя прозвучало вторым по счету. За другим столом сидела маленькая женщина. Она гремела огромными пластиковыми украшениями. В руке она держала резюме, которое читала вслух, одновременно приглашая меня сесть по другую сторону стола.

Офис нью-йоркского агента, день.

Марси Мэтьюс, нью-йоркский агент, известная своей жесткостью, читает мое резюме.

Марси

Театральная школа. Лондонская Школа драматического

искусства – один год. Съёмки в массовке на телевидении. Пара европейских арт-хаусных фильмов, которые так и не вышли в прокат.

Она отбрасывает резюме в сторону и критически смотрит на меня.

Марси

Но в целом вы хорошенькая. Не красавица, но изобразить сможете, а Пол Льюис вообще говорит, что у вас талант.

Я

(довольна, но стараюсь быть скромной)

Он такой замечательный преподаватель.

Марси

(перебивает)

Но представлять ваши интересы я не могу.

Я

Почему?

Марси

У вас нет грин-карты. Значит, вы не член профсоюза. Следовательно, никакой работы.

Я

Но ведь должна быть хоть *какая-то* работа, которую я смогла бы выполнять?

Марси

Конечно. Вы можете вернуться в Англию и подать заявку на грин-карту.

Я

Я... не могу этого сделать.

Марси

Почему нет?

Я

Это сложно.

Марси

Нет. Мне это более чем знакомо.

Она достает электронную сигарету и включает ее.

Марси

Я написала паре коллег в Лондон о вас, Клэр. Знаете, что они сказали?

Я

(с несчастным видом)

Догадываюсь.

Марси

Самый положительный отзыв о вас был – «немного напряжена». В основном они советовали держаться от вас подальше. Когда же я углубилась в вашу историю, там продолжало всплывать слово «смятение».

Она поднимает брови.

Марси

Не хотите ли объяснить?

Я делаю глубокий вдох.

Я

«Смятение»... Так назывался мой первый студийный фильм и первый большой прорыв. Я играла возлюбленную... Ну, думаю, вы знаете его имя. Актер известный и красивый. Все знают, что у него один из самых счастливых браков в шоу-бизнесе.

Я вызывающе смотрю на нее.

Я

Когда он влюбился в меня, я поняла, что это по-настоящему.

Марси

(насмешливо фыркая)

Естественно.

Я

Это было до того, как я услышала фразу, которую используют на съемках фильмов: «Не рассчитывай на место, дорогая».

Марси

А дальше?

Я

Через четыре недели его знаменитая красавица жена появилась на съемочной площадке с тремя знаменитыми красавцами детьми на буксире. Внезапно продюсеры нашли предлог, чтобы убрать меня с дороги. Я застряла в звукозаписывающей будке, переделывая строки, которые отлично сыграла и в первый раз.

Марси

(кивая)

И?

Я

Вот тогда-то до меня и дошли слухи. Оказывается, я сумасшедшая, преследую чужих мужей. Дескать, я угрожала его жене. Та же пиар-машина, что раскручивала его фильмы, теперь вертела и меня.

Я пытаюсь сдерживать слезы. Я знаю, как наивно это звучит, но правда в том, что у меня был пусть небольшой, но опыт. Вы никогда не выйдете из приемной семьи глупой невинной девчонкой.

Вы отчаянно хотите любить и быть любимой. Этот актер был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо встречала. Самым страстным, самым поэтичным. Он мог пересказать все любовные сонеты Шекспира, как будто они написаны специально для него.

Мораль: никогда не влюбляйтесь в того, кто предпочитает чужие слова своим.

Я не рассказала Марси о некоторых других событиях, связанных с этой историей, хотя подозреваю, что она уже и так их знает. Обезумев от юношеского отчаяния из-за несправедливой травли, я подошла к трейлеру этого актера и вскрыла себе вены на той же кушетке, где мы занимались любовью между дублями. Я невероятно хотела доказать ему – это не была просто игра. Все существовало в действитель-

ности.

По крайней мере, для меня.

Я

Вот и все. Кастинги мгновенно прекратились. Видите ли, я совершила грех номер один: вела себя *непрофессионально*. Это было за неделю до моего восемнадцатилетия.

Марси

(задумчиво кивает)

Вы знаете, Пол прав: у вас неплохо получается. На мгновение вы почти заставили меня пожалеть вас. Вместо того, чтобы признать: это был невероятно тупой, саморазрушительный провал.

Она тычет в меня концом сигареты.

Марси

Продюсеры правы. Поищите себе другую работу.

Я

Я надеялась, Америка даст мне второй шанс.

Марси

Думать так – весьма наивно с вашей стороны. Те времена, что мы проводили в толпе, жаждущей свободы, давно про-

шли.

Я

Для меня это единственная карьера, о которой я когда-либо мечтала, но я не могу продолжать учиться без какой-либо работы.

Марси одновременно и хмурится, и вздыхает. Дым струится из ее ноздрей, а потом, словно нехотя, женщина производит:

Марси

Ладно. Оставьте свои данные в приемной. Скоро будут снимать парочку паршивых музыкальных клипов, но я ничего не обещаю.

Я

Спасибо! Огромное спасибо!

Я вскакиваю и с энтузиазмом пожимаю агенту руку. Она обрывает мое благодарное рукопожатие концом электронной сигареты и случайно смотрит вниз. Что-то в беспорядке бумаг на столе бросается Марси в глаза.

Она тянется к столу, перечитывает, поднимает на меня взгляд.

Марси

А вот как бы ты отнеслась к работе в фирме адвокатов по разводам, Клэр?

Я

В качестве помощника?

Марси

Не совсем... Слушай, я буду с тобой честна. Работа не из лучших, но им нужен кто-то вроде тебя, и они готовы хорошо платить. *Очень* хорошо. Не из профсоюза. И наличными.

3

Когда лимузин с женой Рика отъезжает, я поворачиваюсь и направляюсь в другую сторону. Улицы покрыты льдистой слякотью, а я без пальто. Снежная слякоть проникает в носок моего правого ботинка.

Таймс-Сквер – это буйство электричества и красок. Одинокий мим, бросающий вызов холоду, развлекает очередь за билетами. На рекламных щитах мелькают фрагменты отзывов: «завораживающий», «блестящий», «необыкновенный». Я проезжаю под уличным знаком с надписью: «Театральная страна».

Театральная страна... Если бы людям было позволено выбирать свою страну, я хотела бы жить именно в такой. По-

том я сворачиваю с Бродвея на едва освещенную поперечную улицу. Туда, где выдавшая виды облупившаяся вывеска гласит: «Театр Компас». Люди – в основной массе студенты на свидании, пользующиеся ежедневной распродажей билетов за полцены – толпятся в фойе. Я прохожу еще несколько метров и проскальзываю в служебный вход.

Помощники режиссеров, посыльные и закулисные рабочие бегают с реквизитом и планшетами. Я нахожу зеленую комнату. Ее отделили от сцены и создали две импровизированные раздевалки – девушки с одной стороны, молодые люди – с другой. В первой из них Джесс накладывает макияж перед зеркалом, которое делит с тремя другими девушками, и все они пытаются делать то же самое.

– Привет, – весело говорю я.

– Привет, Клэр.

Взглянув на меня, она снова переводит взгляд в зеркало.

– Как все прошло?

Я достаю конверт Генри.

– Четыреста долларов. Теперь я должна тебе еще три.

Отец Джесс, очень богатый человек, купил ей квартиру на Манхэттене. Я должна ежемесячно платить за аренду, но иногда задерживаю оплату.

– Отлично, – рассеянно говорит она. – Отдашь позже, ладно? Мы встретимся после, а то я могу потерять.

Я, должно быть, смотрю с надеждой, поскольку девушка добавляет:

– Почему бы тебе не пойти с нами посмотреть шоу? Ты сможешь сказать мне, справилась ли я с женской болью, о которой говорил Джек.

– Конечно, почему бы и нет? – небрежно отвечаю я.

Потому что даже компания актеров в баре лучше, чем ничего.

– Три минуты, – кричит режиссер, хлопая ладонью по двери.

– Пожелай мне удачи, – просит Джесс. Она разглаживает платье и встает, не сводя глаз с зеркала. – Скажи: ни пуха ни пера!

– Желаю. Но ты в этом не нуждаешься. И не торопись со сценой в лесу, что бы там ни говорил твой тупой режиссер.

Через несколько секунд зеленая комната опустела. Я подхожу к краю сцены. Когда свет в здании гаснет, подкрадываюсь и смотрю на публику через щель в декорациях. Вдыхаю запах театра – мощный, вызывающий стойкое привыкание: свежая краска декораций, старая сценическая пыль, изъеденная молью ткань и небывалая харизма. Наступает необыкновенный и сильный особый момент, когда рассеиваются и тьма, и весь шум, и суэта повседневности.

На мгновение мы все застываем в ожидании. Затем сцена освещается яркими огнями, и я делаю шаг назад. Снег кружится в воздухе, сверкающий и мягкий. Он фальшивый, но зрители все равно задыхаются от восторга.

Основная идея режиссера заключается в том, что этот

«Сон в летнюю ночь» происходит зимой. «Дешевый трюк», – подумала я, когда Джесс пересказала мне авторский замысел, но теперь я вижу, как снежинки плывут по воздуху, оседая блестками в волосах актеров, как шумно падают на сцену, и понимаю, что режиссер запечатлел в одном-единственном образе волшебную, таинственную сторону шекспировской пьесы.

Тезей

Прекрасная, наш брачный час
Все ближе...⁴

Я чувствую внезапный приступ тоски. Театр лично для меня – запретное королевство, мечта, из которой меня изгнали отсутствие грин-карты и проблемы в Великобритании. Мой голод – нечто физическое, а жажда настолько глубока, что сжимаются желудок и горло. Слезы жгут мне глаза.

Но даже в то время, когда сцена раскачивается из стороны в сторону, я ловлю себя на мысли: *в следующий раз, когда нужно будет что-то почувствовать в классе, надо это использовать. Это золотая пыль.*

⁴ Здесь и далее «Сон в летнюю ночь» цитируется по переводу с английского Т. Щепкиной-Куперник.

Через четыре часа мы все уже в баре «Харлей». Как ни крути, мы каждый раз оказываемся здесь – в подвальной парилке с винтажными мотоциклами, свисающими с потолка. Здесь официантки носят домашнюю униформу – черные бюстгалтеры под потертыми джинсовыми куртками без рукавов. Из музыкального автомата ревет Брюс Спрингстин, так что приходится надрывать – двадцать натренированных голосов после спектакля плюс подружки, бойфренды и прихлебатели вроде меня.

Мы с Джесс обмениваемся разными историями. Об актерском мастерстве, конечно. Мы только об этом и говорим.

Джесс

А как насчет Кристиана Бейла в «Машинисте»? Он потерял треть своего веса для этой роли...

Актриса 2

Или Хлоя Севиньи, которая делает настоящий минет в «Буром кролике».

Актер

Определите-ка *настоящее* в этом контексте. Нет, это я так, к слову.

Актриса 3

Эдриан Броуди в «Пианисте». Сначала он сбросил тридцать фунтов и научился играть на пианино. Затем, чтобы осознать, каково это – потерять все, он избавился от своего автомобиля, квартиры *и даже* телефона. Вот *это*, друг мой, и есть самоотдача.

Актриса 2

Эй, а я ведь могу сделать то же самое! Ох, подожди-ка. Вся проблема в том, что в настоящее время я играю поющую в хоре мышь в бродвейском мюзикле.

Она изображает пьяный мышиный танец.

Актриса 2

Мышка-мышь, мышка-мышь, добро пожаловать в мой Мышиный дом...

С другого конца помещения на меня глядит бармен. Взглядом, который задерживается чуть дольше, чем нужно.

Последний раз я замечала такой взгляд, когда Рик, этот подонок-адвокат, предложил мне сесть за его стол.

Однако *этот* бармен – парень моего возраста, татуированный, крутой и худой. Несмотря на пронизывающий холодный ветер, который врывается внутрь, всякий раз когда

открывается входная дверь, на нем только футболка, а кухонное полотенце, заткнутое за пояс джинсов, обвивается вокруг его задницы каждый раз, когда он поворачивается к ряду бутылок за стойкой.

И вдруг я оказываюсь там же. В баре.

Симпатичный бармен

Эй!

Он австралиец. Я люблю австралийцев.

Я

Привет!

По какой-то неведомой причине я говорю это с вирджинским акцентом, тем, который я использовала раньше с Риком.

Симпатичный бармен

Что тебе принести?

Я

(перекрикивая шум)

С удовольствием выпью мартини.

Симпатичный бармен

Сейчас будет.

Он до краев наполняет стакан «Джеком Дэниелсом» и со стуком ставит его на стойку.

Я

Я же попросила *мартини*.

Симпатичный бармен

В этом баре мы делаем мартини так.

Он ухмыляется, словно давая мне возможность пожаловаться. Милая улыбка.

Я беру стакан и осушаю его.

Я

В таком случае, дай мне Пина коладу.

Симпатичный бармен

Пина колада...

Он наливает в стакан порцию виски «Джек Дэниелс», добавляет еще порцию того же виски и заканчивает третьей мерой того же напитка.

Я опрокидываю все одним долгим глотком. Люди, столпившиеся вокруг бара, громко кричат и аплодируют.

Аплодисменты – звук, уже давно мною не слышанный.

По крайней мере, адресованные мне.

Я

Лучше приготовь мне ледяной чай «Лонг-Айленд», раз уж на то пошло...

...который действительно должен стать финалом того фильма, который всегда крутится в моей голове.

Однако все происходит вовсе не так. Это монтажный прыжок, или последовательный монтаж, или еще какое-то техническое ухищрение, потому что потом все становится беспорядочным и сумбурным, пока я внезапно не оказываюсь в чужой квартире на чьем-то стонущем теле.

Я

Да, да, боже, да...

Случайный человек

Да...

Ах да. Произошла смена актеров. Симпатичный бармен, которого звали Брайан, вышел только в три. Вместо этого я переспала с приятелем одной из подруг Джесс. К этому моменту я была слишком пьяна и слишком вдохновлена аплодисментами, чтобы довольствоваться собственной кроватью.

Хотя, если честно, дело было не только в алкоголе. Или в

благодарной публике.

Ощущение теплого тела и кого-то, кого можно обнять... Это то, чего я жажду после заданий Генри.

Ведь если женщина не может доверять мужчине, который сказал, что будет любить ее вечно, то кому тогда в этом мире вообще можно доверять?

Понимание того, что именно я – мои навыки, реплики, мое выступление – помогли разрушить семью, всегда оставляет у меня странное ощущение.

Я не горжусь тем, что делаю для Генри.

Впрочем, иногда я горжусь тем, насколько хорошо я это делаю.

5

На следующее утро я возвращаюсь на метро к Джесс, все еще в ее куртке, причем на понимающие взгляды пассажиров внимания не обращаю. Одно из упражнений, которое Пол заставляет нас делать, – выходить на улицы Нью-Йорка и говорить с совершенно незнакомыми людьми. После того, как проделываешь это несколько раз, становишься в хорошем смысле «толстокожей».

То же самое, когда сидишь в баре отеля и к тебе пристают женатые мужчины.

Вот одна из причин, по которой я приняла предложение Марси. Я думала, что это хорошо поможет моей актерской

работе, не говоря уже о финансовом положении.

Итак, Марси свела меня с Генри. Генри любит называть себя помощником юриста, но на самом деле он частный детектив в юридической фирме. Он договорился встретиться со мной в баре. Это заведение казалось странным местом для собеседования, пока Генри не объяснил, чего именно они от меня хотят.

– Думаешь, справишься? – спросил он.

Я пожала плечами, ведь у меня совсем не было других вариантов.

– Конечно.

– Хорошо. Выйди на улицу, вернись и попробуй подкатить ко мне. Считай, что это прослушивание.

Я вышла и вернулась назад. Поскольку болтать с этим седовласым пожилым человеком странно, проще всего было изобразить некоего персонажа. Я вспомнила о голосе и манерах роковой женщины в исполнении Лорен Бэколл в «Глубоком сне» – и именно это дало мне возможность спрятать собственную личность.

Я села за барную стойку и заказала выпивку. Я даже не взглянула на человека, сидевшего через два стула от меня.

«Никогда напрямую не приставай к ним, – говорил мне Генри. – Дай понять, что ты доступна, но это они должны предложить тебе себя, а не наоборот. Невинному нечего бояться».

Да, конечно. Если я чему-то и научилась, то как раз тому,

что мужской мозг так и работает.

Тускло освещенный нью-йоркский бар, день.

Клэр Райт, двадцать пять лет, отражается зеркалом за стойкой. Она поигрывает своим бокалом, немного скучает. Генри, худой бывший полицейский, пятьдесят с небольшим, пересаживается на соседний табурет.

Генри

Ты одна?

Клэр

(томным и протяжным голосом)

Да, *сейчас* одна.

Он смотрит на ее руку.

Генри

Вижу, ты носишь обручальное кольцо.

Клэр

А это хорошо или плохо?

Генри

Это зависит от...

Клэр

От чего?

Генри

Зависит лишь от того, насколько легко его снять.

Ее глаза расширяются от этой дерзости. Затем...

Клэр

Теперь я скажу, когда ты сам упомянул об этом – в последнее время оно мне великовато. А как ты?

Генри

Свободен ли я?

Клэр

Ты женат?

Генри

Сегодня – нет.

Клэр

Значит, сегодня моя счастливая ночь.

Она смотрит на него – откровенно, уверенно, прямо. Эта женщина знает, чего хочет. Сейчас она желает повеселиться.

Генри

(выходя из роли)

Господи Иисусе...

Я

Я нормально все сделала? Могу попробовать что-нибудь другое.

Он расстегивает воротник.

Генри

Ох, мне почти жаль этих ублюдков.

Три дня спустя я сидела в тихом баре неподалеку от Центрального парка и позволила одному бизнесмену сказать мне, что он больше не считает свою жену привлекательной. Потом я передала кассету с этой записью его жене, а Генри протянул мне четыреста долларов.

Эта работа не была регулярной – иногда приходилось выполнять три или четыре задания, иногда вообще ничего. Большая часть работы Генри состояла в том, что он называл супружеской слежкой: следить за людьми, пытаться поймать с поличным. «Большинство наших клиентов – женщины, – сказал однажды мой начальник. – Обычно они правы в своих подозрениях. Бывает, они замечают, что муж идет в офис в модной рубашке, а потом еще пишет, что задерживается на

работе. Иногда речь идет просто о новом лосьоне после бритья. Или жена уже видела компрометирующие сообщения на его телефоне и просто хочет знать, как выглядит любовница ее мужа. Именно мужчины чаще всего оказываются не правы».

Когда Генри был копом, он работал под прикрытием, и теперь ему явно не хватает шумной возни тех дней. В течение долгих часов в городских автомобилях и холлах отелей, в ожидании наших объектов, Генри проводит время, рассказывая мне истории о его прошлых делах.

– Ты должна видеть сумрак. Преступники инстинктивно чувствуют, когда их презирают или боятся, так что ты должна заставить себя поверить в их картину мира. И это самое опасное – не пистолеты, не побои. Некоторых парней захватывает сумрак, и они уже не могут его отпустить.

Я говорю Генри, что он актер по системе Станиславского, хотя сам того не знает, и обмениваюсь с ним актерскими историями. Например, наше первое занятие, когда Пол попросил нас сыграть сцену из Ибсена. Я думала, мои сокурсники справились довольно хорошо. Затем Пол заставил нас повторить эту сцену снова, пытаясь при этом удерживать ручки метлы на ладонях. Под давлением двух заданий одновременно наша актерская работа развалилась на части.

– То, что вы сделали в первый раз, не было игрой, – сказал нам Пол. – Вы притворялись и просто копировали то, что делали другие актеры, но для вас это было нереально. Вот

почему вы не смогли повторить то же самое, когда требовалось направить внимание на что-то другое. Сегодня я скажу только одну вещь, но она самая важная из когда-либо мною сказанных: *не думайте*. Игра – не притворство и не подражание. Ключ к разгадке в слове. Игра – *это действие*.

Генри думает, что все это чушь собачья, но я сама видела, как актеры в гримерке чихали и сопели от гриппа, но болезнь тут же исчезала, стоило им выйти на сцену. Я видела, как застенчивые интроверты становились королями и королевами, а уродливые – красивыми, красивые – отталкивающими. Что-то происходит. Что-то, чего никто не может объяснить. Всего на несколько мгновений ты становишься кем-то другим.

И это лучшее чувство, какое только можно испытать.

Манхэттен сегодня утром похож на съемочную площадку. В снегу образовались дыры от пара, лениво дымящиеся на солнце. Прошлая ночь оставила заметный след в конверте Генри, но я забегаю в продуктовый магазин, чтобы купить бейглы себе и Джесс. Когда я выхожу, кучка детей на улице валяет дурака. Они бросают снежки, я зачерпываю пригоршню снега и присоединяюсь к ним. Я не могу не думать: «*Вот это да*». Вот я и в Нью-Йорке, принимаю участие в эпизоде словно прямо из фильма и учусь в одной из лучших драматических школ в мире. Сценарий со счастливым концом.

Разве это свойственно только мне – чувствовать, что на-

блюдаю за собой в фильме о собственной жизни? Когда я спрашиваю друзей, большинство говорит, что этого у них нет, но они, наверное, лгут. Зачем еще становиться актером, если не для исправления реальности?

Даже если я только что вспомнила, что сцена, разыгранная в моей голове – та, с нью-йоркским боем в снежки, – взята из отвратительного фильма «Эльф».

Войдя, я слышу голоса, доносящиеся из комнаты Джесс. Она разговаривает по скайпу со своим парнем Араном, который занимается рекламой в Европе. Я быстренько принимаю душ, проверяю, не слишком ли плохо выглядит жакет, а затем стучу в ее дверь.

– Завтрак, аренда и мисс Донна Каран, – бодро говорю я. – Есть рецензии?

Каждое утро Джесс первым делом заглядывает в интернет, чтобы узнать, не написал ли кто-нибудь о ней в блоге. Она качает головой:

– Никаких, но мой агент написал по электронной почте – у меня встреча с продюсером, видевшим шоу вчера вечером.

– Здорово, – говорю я и стараюсь не выдать зависти.

– Как прошла ночь? – Ее голос подчеркнуто нейтрален. – Я искала тебя около двух. Ты ушла.

– О, все было хорошо.

Она вздыхает.

– Чушь собачья, Клэр. Пустой бессмысленный секс с незнакомцем.

– И это тоже, – беспечно говорю я.

– Иногда я беспокоюсь за тебя.

– Почему? Я всегда ношу с собой презерватив.

– Я имела в виду безопасную *жизнь*, а не безопасный секс, как тебе хорошо известно.

Пожимаю плечами. Я не собираюсь разговаривать с Джесс о моей личной жизни или об ее отсутствии: у нее есть семья, а люди с семьями такого не понимают.

Я вешаю жакет и роюсь в ящике с трусиками Джесс в поисках чистого белья. Вдруг мои пальцы натываются на что-то маленькое, твердое и тяжелое.

Я вытаскиваю пистолет. Настоящий *пистолет*.

– Господи, Джесс, – ошеломленно произношу я. – Что это еще за хрень?

Она лишь смеется.

– Отец заставил. Вроде как на всякий случай. Говорит – ты же находишься в большом плохом городе и все такое.

– И при этом ты беспокоишься обо мне? – недоверчиво спрашиваю я. Направляю пистолет на свое отражение в зеркале. – Ты должна спросить себя – хулиганка, тебе идет этот цвет?

– Осторожно. Думаю, он заряжен.

– Бум.

Я осторожно кладу пистолет на место и достаю красные леггинсы.

– К тому же, – добавляет Джесс, – возможно, мне при-

дется застрелить человека, который продолжает красть мою одежду.

– В конверте триста пятьдесят долларов. Ну по крайней мере триста двадцать.

– Вообще-то есть еще один момент, из-за которого отец ведет себя несколько странно.

Джесс говорит это небрежно, но я улавливаю скрытое напряжение в ее голосе.

– Да? – не менее хладнокровно произношу я.

– У отца перерыв в работе, так что он не получает зарплату, а эта квартира – его пенсия или вроде того. Он просит меня, чтобы ты съехала.

Плохо.

– И что ты ответила?

– Я говорю, а если Клэр заплатит тебе всю арендную плату, которую задолжала?

– Это сколько – еще четыреста?

Джесс качает головой.

– Семьсот. В любом случае, отец не слишком-то обрадовался. Он сказал, что подумает, но теперь ему тоже придется платить вперед.

Я смотрю на нее.

– Послушай-ка, но ведь тогда я должна где-то найти тысячу сто долларов.

– Я знаю. Прости, Клэр. Я пыталась с ним спорить, но отец все время твердит, что я финансово безответственна.

– И сколько у меня времени?

– Я могу немного его задержать. Может, несколько недель.

– Круто, – с горечью говорю я, но знаю, что Джесс не виновата. Моя комната вполне подошла бы и паре, а расположение в Ист-Виллидж идеально подходит для молодых профессионалов, работающих в финансовом районе. Ее отец может получить гораздо больше от сдачи в аренду этого жилья.

Повисает тишина. Джесс берет сценарий и начинает листать.

– Мне нужно еще кое-что просмотреть. Джек дал мне указания. Сцена в лесу, по-видимому, все еще недостаточно проработана.

– Хочешь, чтобы я прочла эти строки?

– А ты сможешь?

Джесс бросает мне сценарий, и я нахожу нужную страницу, хотя, вероятно, знаю этот момент наизусть. Забудьте «Ромео и Джульетту», это самая сексуальная сцена во всем творчестве Шекспира. Шекспир, несмотря на то что большинство людей считают его чересчур культурным и скучным, а потому больше не актуальным, создал лучших персонажей.

Джесс начинает.

Джесс

(за Гермию)

Ну что ж, тогда найди себе приют;

А я на мшистый склон прилягу тут.

Джесс ложится на спину, как бы готовясь ко сну. Я иду и ложусь рядом с ней.

Я

(за Лизандра)

На тот же мох и я прилягу тоже:
Одно в нас сердце, пусть одно и ложе!

Чувствуя себя неловко, Джесс уворачивается.

Джесс

Нет, нет, Лизандр мой! Я тебя люблю!
Но ляг подальше, я о том молю!

Это классический пример: слова на странице говорят одно, а актер знает, что персонаж имеет в виду нечто совершенно другое. Лизандр действительно хочет «вынести мозг» Гермии. И, несмотря на столь прекрасные стихи, он готов произносить что угодно, лишь бы получить желаемое. Он мужчина, верно? А Гермия, хотя и знает, что, вероятно, не должна позволять ему спать так близко от нее, мечтает о нем. Она просто хочет, чтобы он был подальше, то есть не поддаваться искушению.

Текст и подтекст.

Я приподнимаюсь на локте и смотрю на Джесс сверху вниз.

Я

Мой друг, пойми невинность слов моих...

Однако даже когда я с тоской смотрю в глаза Джесс, какая-то часть меня кричит: *«Тысяча сто долларов? Даже работа от Генри не может обеспечить такую сумму».*

Внезапно я сталкиваюсь с перспективой, что вся эта хрупкая фантазия рухнет вокруг меня, как декорация между сценами. Нет денег – нет квартиры. Нет квартиры – нет занятий. Нет занятий – нет визы. Мне придется ковылять домой, поджав хвост, в страну, где меня больше никто не возьмет в качестве актрисы.

Я прижимаюсь губами к губам Джесс. На долю секунды она поддается искушению – я вижу замешательство в ее глазах. Потом она отстраняется.

Джесс

Лизандр загадывает очень красивые загадки.

То есть он очень хорошо целуется.

Потом он снова пытается поцеловать меня, бла-бла-бла, и мы возвращаемся.

Я скатываюсь с кровати:

– Мне показалось, тут есть нюансы.

– Знаешь, – задумчиво говорит Джесс, – ты намного лучше, чем тот придурок, с которым я разыгрываю эту сцену. Прости, Клэр. В жизни нет справедливости.

«Расскажи мне об этом» – как говорят в этом городе. То есть: «Пожалуйста, не надо. Никто не слушает».

6

Я скажу это специально для английской системы патронатного воспитания: сиротство делает вас стойкими.

Мне было семь, когда я потеряла родителей. Сегодня у меня еще была семья, а на следующий день из-за водителя грузовика, который писал эсэмэски за рулем, у меня ее уже не стало. Мама и папа погибли мгновенно, как позже сказали мне медсестры. Я сидела сзади, в детском автомобильном кресле, которое, вероятно, спасло мне жизнь, когда его выбросило из-под обломков. Я не помню ни этого, ни вообще чего-либо о том дне. Я всегда этого стыдилась. Если вы собираетесь провести последние несколько часов с теми, кого любите, то должны помнить об этом. Было тяжело смириться с их гибелью. Потом до меня дошло, что я потеряю и все остальное: спальню, игрушки, все свои знакомые вещи. Это звучит глупо, но в некотором смысле горе от потери родите-

лей и печаль от утраты любимых вещей были для меня равнозначны. Я не просто осиротела. Меня вырвали с корнем.

В моем районе на юге Лондона не хватало приемных родителей, поэтому, когда я вышла из больницы, меня поместили в Илинг, на другом конце города, и потом шесть недель спустя я нашла свою первую приемную семью. Они жили в Лидсе, в ста семидесяти милях. Это означало переезд, новую школу и потерю друзей.

Я была девочкой из среднего класса, жительницей Лондона. Я попала в школу, где все остальные дети знали друг друга в течение многих лет. Они говорили на каком-то другом языке. Эти дети считали меня заносчивой («фи-фи», как они меня дразнили). Я быстро стала двулика: человеком, которым была раньше, и тем, кем бы они хотели, чтобы я была.

Я научилась говорить точно так же, как эти дети. Оказалось, я неплохо разбираюсь в интонациях.

Мои новые родители были профессиональными опекунами: у них было двое собственных детей и трое приемных одновременно. Они по-доброму относились ко мне, и даже очень. Однако воспитание было их постоянным занятием, способом обеспечить себе дом получше и отпуска поприятнее. Приемная семья отличалась профессионализмом, а то, чего жаждала я, было непрофессиональной, безусловной любовью.

Мой новый статус гласил: «взята под опеку», что было самой большой шуткой. Потому что очень скоро понимаешь,

что всем наплевать. Никому нет дела, выполняешь ли ты домашнее задание. Никого не волнует, есть у тебя друзья или нет. Никого не интересует, будешь ли ты первым или двадцать первым на экзаменах. С чего бы это?

Я помню, как приемный отец, Гэри, обнимал своего родного сына. Все еще страдая от потери родителей, я присодинилась к ним. Гэри мягко сказал, что мне не следует обниматься с ними. Он употребил именно это слово – «не следует». Как будто я к нему приставала или что-то в этом роде.

Именно тогда я наконец и поняла, что теперь только я в ответе за себя. Как только возникает подобное чувство, оно уже никогда не уходит.

В средней школе я впервые столкнулась с настоящими театральными постановками. До этого я не знала, что они могут быть отдельным предметом для изучения. Я до сих пор помню, как миссис Хьюз, учительница, велела остальным остановиться и посмотреть на меня.

– Наблюдайте за Клэр. Она ведет себя естественно, – сказала миссис Хьюз всему классу.

Очень скоро постановки стали тем, о чем я только и думала. Я не была обычным ребенком, когда выступала. Я была Джульеттой, Энни, Нэнси, Паком. Я была принцессой, убийцей, героиней, шлюхой.

Когда мы ставили пьесу и родители других детей приходили за кулисы сказать им, как же блестяще они выступали, меня никто не посещал, но это только придавало мне реше-

мости.

Неподалеку находилась Академия исполнительских искусств, где некоторые студенты играли в мыльных операх типа «Холби-Сити». Когда я поделилась со своим соцработником, что хотела бы пойти именно туда, та нахмурилась:

– Это частная академия, Клэр. Окружной совет не будет платить за обучение ребенка, находящегося на попечении.

Гэри обещал поговорить с кем-нибудь в совете. Неделю спустя я спросила его, каков был их ответ.

– О, – сказал он. Он явно забыл о моей просьбе. – Они сказали: «Нет».

Тогда я пошла к миссис Хьюз.

– Если ты собираешься сражаться, чтобы попасть в театральную школу, – сказала она мне, – это должна быть хорошая школа. То заведение, о котором ты говоришь, превратит тебя в цирковую обезьяну.

Миссис Хьюз изучила лучшие школы, одна из которых даже предложила мне стипендию. Затем она встретила с соцработником, которая заявила, что мне лучше оставаться там, где я устроилась, а любые изменения и волнения не пойдут мне на пользу.

«Все ясно, – подумала я. – Вы можете перемещать меня с места на место четыре раза за три года, но вот когда я действительно чего-то хочу, то это вас травмирует и вы не позволяете даже думать о моем желании».

На борьбу за свои права мне потребовалось три года, и в

конце концов я добилась своего. В тот день, когда я пришла в театральную школу, я наконец нашла новую семью.

7

Я звоню Марси и умоляю дать мне еще работу. В конце концов она предлагает прослушивание для музыкального видео.

В подвальной студии перед видеокамерой на треноге я называю свое имя, рост и имя агента. Два продюсера – оба мужчины – игнорируют меня и смотрят на мое изображение на мониторе.

Женщина, кастинг-директор, просит меня заявить для камеры, что мне комфортно сниматься частично обнаженной.

– Ну, если, конечно, роль этого требует... – нервно отвечаю я.

– Дорогая, эта роль называется «Танцовщица топлес», – нетерпеливо говорит она.

– Конечно.

Я смотрю в камеру и бодро говорю:

– Меня зовут Клэр Райт, и меня устраивает частичная нагота.

Надеюсь, кто-нибудь напишет *это* на моем надгробии.

– Ладно, Клэр, готовься, – говорит кастинг-директор.

Она ставит музыку. Примерно через минуту один из продюсеров что-то произносит, и музыка обрывается.

– Спасибо, Клэр, – говорит кастинг-директор. – Не могла бы ты попросить войти следующую в очереди девушку?

Когда я поворачиваюсь, готовая уйти, второй продюсер произносит что-то, чего я не понимаю.

– Подожди, – просит кастинг-директор. Они вполголо-са коротко совещаются, после чего она добавляет: – Оставь свои данные на столе.

* * *

В тот же день приходит сообщение с просьбой в восемь подойти в офис продюсера. Я роюсь в шкафу Джесс в поисках подходящей одежды и придаю лицу самое эффектное выражение. Когда я прихожу, там уже нет секретаря, а только охранник. Все остальные разошлись по домам.

Я иду по коридору и наконец вижу в кабинете продюсера, разговаривающего по телефону. Он машет мне рукой. Я сажусь на вращающийся стул, а продюсер продолжает свой разговор по поводу какого-то человека, который должен перестать быть козлом и заказать тележку от «Панавижн».

Наконец он кладет трубку.

Офис, ночь.

Продюсер

Идиот! Привет, Клэр.

Я

Привет! Спасибо, что перезвонили.

Продюсер

Это не совсем то, Клэр. В настоящее время я отбираю людей на различные проекты и подумал, что стоит обратиться к тебе напрямую – узнать, может ли какой-то из них для тебя подойти.

Я

Великолепно! Вы ведь знаете, что у меня нет грин-карты?

Продюсер пожимает плечами.

Продюсер

А вот это как раз проблема, но она не может быть непреодолимой. Я имею доступ к программе Обмена актерами. Возможно, я смогу договориться об обмене с коллегой, находящимся в Лондоне.

Я

Просто фантастика! О каких проектах идет речь?

Продюсер

Подробности обсудим позже. Сейчас меня больше инте-

ресует, есть ли у тебя амбиции и стремление присоединиться к команде.

Мужчина выходит из-за стола и кладет руку мне на плечо. Затем толкает, и кресло поворачивается к нему лицом. Я смотрю на его ширинку. Он дружески сжимает верхнюю часть моей руки.

Продюсер

Полагаю, ты понимаешь, что я имею в виду.

На какое-то мгновение я застываю. Затем вскакиваю со стула, отталкиваю его обеими руками и кричу: «*Немедленно отойдите от меня!*» Моя рука врезается ему в нос, и он отшатывается.

Я

Да пошел ты, ублюдок!

Продюсер съеживается, защищая голову руками. Из носа течет кровь, а крошечные рыжие гитлеровские усики прилипли к ноздрям.

Продюсер

Господи! Просто уходи, ладно?

Я отступаю, давая мужчине возможность встать, но тут он бросается на меня, сжав кулаки.

Продюсер
Стерва... Ты заплатишь за это.

Вдруг продюсер обнаруживает, что смотрит в дуло пистолета Джесс.

Продюсер
Ты ведь не собираешься в меня стрелять.

У меня трясутся руки, а вместе с ними и пистолет. Что ж. Чем меньше я буду себя контролировать, тем скорее продюсер подумает, что я достаточно сумасшедшая, чтобы выстрелить.

Я
Самозащита? Вот увидишь, еще как собираюсь..

Я киваю на свою сумку.

Я
У меня там камера. Все записано. Может, хочешь, чтобы твоя жена это увидела?

Продюсер
Что за хрень?

На первый взгляд теперь вся власть у меня, а не у него, но внутри я паникую. Что, если он бросится на меня? Что, если он просто выхватит пистолет и направит его на *меня*? Что, если мой палец нажмет на спусковой крючок?

Я
Я ухожу отсюда, а ты остаешься на месте.

Я отступаю, стараясь выглядеть уверенной в себе.
Когда я выхожу, продюсер рычит.

Продюсер
Удачной работы в отрасли, сука. Ты ненормальная.

Я держу себя в руках, однако, выйдя на улицу, спотыкаюсь и падаю. Я плачу и дрожу. Сомнения рикошетом отскакивают от моего мозга: *«Как я могла быть такой глупой? Правильным ли способом я победила домогательства? Не создалось ли еще на стадии прослушивания впечатление обо мне как о легкодоступной женищине? Я хоть как-то поощрила это впечатление?»*

Меня зовут Клэр Райт, и меня устраивает частичная нагота... Помню, как я улыбнулась, произнося эти слова. Бы-

ло ли это ошибкой? Это выглядело иронично? Это звучало *непрофессионально*?

Хотя другая часть меня – рациональная часть – пытается убедить меня, что я просто столкнулась с *подонком*. *Он не имел права даже думать обо мне в этом ключе. Это он виноват, а не я.* Я знаю, эти дебаты часами будут продолжаться в моей голове.

Подонок он или нет, но не была ли моя реакция неадекватна произошедшему? Мог ли сработать простой, достойный отказ? Он, возможно, даже мог привести к извинениям и продуктивной дискуссии о работе.

Удачной работы в отрасли, сука...

Я почти останавливаюсь, когда задумываюсь о значении этой фразы. Теперь этот продюсер будет поносить меня в разговорах с агентами по кастингу? Скажет своим друзьям, что я трудная в общении актриса? Для того, чтобы моя британская репутация пересекла Атлантику и соединилась с несколькими намеками и слухами, требовалось совсем немного, и мой второй шанс мог быть упущен.

О боже, неужели я должна была согласиться на его предложение?

Офис примерно в сорока кварталах от дома Джесс. Я прохожу весь путь в страданиях и самобичевании. Я не могу позволить себе ехать на метро и даже не могу получить роль топлес детки-конфетки без домогательств. На улицах больше нет снега, но все еще сыро и холодно. Слезы на щеках сна-

чала теплые, потом ледяные, а потом снова теплые.

Я в ста ярдах от квартиры Джесс, когда звонит телефон. Смотрю на экран, прежде чем ответить.

Нью-йоркская улица, ночь.

Генри

Эй, Клэр. Ты свободна сегодня вечером?

Я с тоской смотрю на дом, где снимаю жилье. Все, чего я хочу, – забраться в постель и заплакать, но надо думать о деньгах, которые я задолжала отцу Джесс.

Я

Полагаю, да.

Генри

У меня для тебя задание, но клиентка хочет сначала встретиться лично.

Я

Зачем?

Генри

Кто ж ее знает? Может, хочет убедиться, что ты во вкусе ее мужа. В чем я не сомневаюсь.

Я

Ага. Тогда ладно.

Генри

Как скоро ты сможешь приехать? Она остановилась в «Лексингтоне». Спроси номер с террасой.

8

Я уже одета для встречи с продюсером, так что оказываюсь в «Лексингтоне» через двадцать минут. Иду в туалет в вестибюле, поправляю макияж и делаю дыхательное упражнение, чтобы сосредоточиться. Время для представления.

Потом еду в лифте на шестой этаж. Стучу в дверь, и Генри впускает меня. У окна нервно рассказывает женщина лет тридцати пяти. «Ким Новак из фильма “Головокружение”», – думаю я, рассматривая ее. Элегантная, в жемчугах и идеально ухоженная. Короткие светлые волосы уложены безукоризненно – такое в наши дни нечасто увидишь. По сравнению с ней я ощущаю себя ребенком, ограбившим ящик с одеждой.

Сначала мне кажется, что женщина сжимает четки, но потом понимаю – просто крутит в пальцах брелок. Она выглядит расстроенной, но это довольно типично для наших клиентов на этой стадии. Многие считают, что та часть, когда они наконец узнают, что за человек их муж на самом деле,

самая трудная.

Отель «Лексингтон», терраса люкс, ночь.

Генри

Клэр, спасибо, что пришла. Это – Стелла Фоглер.

(женщине, успокаивающим тоном)

Я использую нескольких девушек в качестве приманки для неверных мужей, но, учитывая все, что вы рассказали мне о Патрике, я считаю, Клэр – совершенно правильный выбор.

Стелла

(обращаясь ко мне, взволнованно)

Обещай, что будешь осторожна.

Я сажусь.

Я

Почему бы вам не рассказать мне о вашем муже, миссис Фоглер?

Стелла

Он не похож ни на одного мужчину, которого ты когда-ли-

бо встречала. Я говорю сейчас на полном серьезе. Не поворачивайся к нему спиной. Не доверяй ему. Обещаешь?

Доверять ему? Я размышляю. Что-то маловато шансов. Еще один женатый ублюдок – все, что мне сейчас нужно.

Генри

Клэр – профессионал. Она знает, что делает.

Я

Просто покажите мне фотографию и подскажите, где его найти. Я сделаю остальное.

Генри

Итак, миссис Фоглер. Продолжим?

Стелла Фоглер замолкает и, все еще крутя в руках брелок, смотрит на меня совершенно дикими глазами.

Стелла

Да. Но, пожалуйста, будь осторожна.

9

Бар «Флаэрти», Нью-Йорк, ночь.

Старый, с хорошей деревянной отделкой бар в Верхнем

Вест-Сайде – столы расставлены на достаточном расстоянии друг от друга, за ними мало людей. Патрик Фоглер сидит за одним из них, читает книгу в мягкой обложке и делает пометки в блокноте. Ему под сорок. Патрик – темноволосый, с длинным орлиным лицом, с глазами бледно-зеленого оттенка. Красивый, спокойный, интеллигентный.

«Очень похож на молодого Дэниэла Дэй-Льюиса», – прихожу я к выводу, изучая его отражение в длинном зеркале за стойкой. Дэй-Льюис – один из моих любимых актеров, но Патрик Фоглер впечатлил меня еще больше. Выразительная внешность.

Честно говоря, он не похож на обманщика. Впрочем, иногда так и бывает: они притворяются милыми и очаровательными. Именно такие, как правило, и оказываются наибольшими лжецами.

Почему? Потому что они на это способны.

Сейчас меня больше интересует, есть ли у тебя амбиции и стремление присоединиться к команде...

Я качаю головой, сосредотачиваюсь, пытаюсь выкинуть из головы воспоминания о продюсере. «Просто делай свою работу, – говорю я себе. – Улыбайся, флиртуй, позволь Патрику Фоглеру заигрывать с тобой и уходи». Максимум у меня есть на все час. Потом я окажусь дома с четырьмя сотнями долларов в руке. Меня будет тошнить, я буду плакать и напьюсь.

Останется заработать еще семьсот долларов.

Словно по команде Патрик Фоглер встает и идет ко мне. Я поворачиваюсь с приветливой улыбкой. Слишком поздно понимаю, что он приближается не ко мне. Он протягивает бармену двадцатидолларовую купюру.

Патрик

Можете разменять?

У него четкий, хорошо поставленный голос. В нем чувствуется властность. Когда бармен открывает кассу, глаза Патрика Фоглера встречаются в зеркале с моими. И я снова даю Фоглеру слабый намек на гостеприимство – чуть-чуть смягчаю взгляд и распахиваю глаза. Патрик выглядит озадаченным, но не более того – как будто он не уверен, знает ли меня.

Получив сдачу, он благодарно кивает бармену и выходит из бара, но в итоге он вернется: оставил стакан на столе вместе с книгой в мягком переплете.

Я подхожу и беру ее. Это сборник стихов, потрепанный экземпляр «Цветов зла» Шарля Бодлера.

Замечаю, что Бодлера *перевел и отредактировал Патрик Фоглер*. Значит, он какой-то ученый.

Я быстро перелистываю страницы в поисках чего-нибудь полезного. Тут Патрик возвращается и застает меня за этим занятием. Все как я и хотела.

Я

(виновато)

Ой, простите! Это ваше?

Патрик

Да.

Кажется, его это забавляет. Он оглядывает почти пустой бар, как бы говоря: «А чье же еще?»

Я

Надеюсь, вы не против... Я никогда раньше не читала Бодлера.

Патрик смотрит на страницу, на которой я остановилась.

Патрик

Ну, не надо начинать отсюда.

Взяв у меня книгу, перелистывает несколько страниц, находит место и читает вслух:

Патрик

Так много помню я, как живший сотни лет!

Пусть шкап большой хранит романсы, груды смет,

*Записки и стихи, судебные тетради,
В любовных письмецах волос тяжелых пряди, —
Все ж менее в нем тайн, чем мозг скрывает мой!*⁵

Ритм его голоса, тихий и настойчивый, как пульс, полон убежденности. Мужчина возвращает мне все еще открытую книгу. Я опускаю глаза и вчитываюсь в следующий куплет, а потом отвечаю Патрику, удерживая его взгляд, продолжая ритм:

Я

*Да! Пирамида – мозг, огромный склеп такой,
Что трупов больше скрыл, чем братская могила!
Погост я! От него луна лик отвратила!
Как совести укор, ползет толпа червей...⁶*

И дальше продолжает он, не сводя с меня глаз, говоря по памяти что-то темное и странное, чего я не могу понять – о том, как стать противоположностью плоти.

Патрик

Живое существо! Становишься отныне

⁵ Бодлер Ш. Хандра. Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, стихотворения цикла «Цветы зла» в переводе В. Шершеневича.

⁶ Там же.

*Ты, окруженное пугающей пустыней,
Гранитом, что в песках Сахары тусклой спит.
Ты – древний сфинкс, и ты на карте позабыт,
Не знаем миром ты!⁷*

Я присоединяюсь к последним строчкам, подстраиваюсь под ритм Патрика, настраиваю свой голос под его.

Я/Патрик

*Не знаем миром ты! Твой нрав суров: всегда ты
Не иначе поешь, как при лучах заката!*

На секунду-другую воцаряется тишина, которую никто из нас не нарушает.

Патрик

Вы хорошо читаете.

Я

Благодарю... А о чем там?

Патрик

Можно сказать, что о его личной жизни.

Я

⁷ Бодлер Ш. Хандра.

Должно быть, у него была довольно сложная личная жизнь.

Патрик улыбается.

Патрик

Когда Бодлер писал это, он был связан сразу с двумя женщинами. Одна – знаменитая красавица, дитя Парижа девятнадцатого века. Поэт называл ее «Веню Бланш» – Белая Венера. Другая была танцовщицей кабаре, смешанной расы и торговала телом на улицах. Он называл ее «Веню Нуар» – Черная Венера.

Я

Как интересно... Любовный треугольник.

Патрик

Хотите, называйте так.

Я

И как все сложилось в итоге?

Патрик

Бодлер начал писать стихи, которые анонимно отправлял Белой Венере. О том, что он хотел сделать с ней; о том, что он уже делал с Черной Венерой. Стихи затрагивали все виды

разврата. Он сказал, что другие поэты достаточно написали о цветочных царствах красоты. Бодлер очень хотел быть первым, кто напишет о красоте, происходящей от зла.

Я

«Цветы зла».

Пора сделать свой ход.

Я

Мне кажется, он понял, что некоторых женщин привлекает запретное.

Патрик Фоглер качает головой, как будто я его разочаровала.

Патрик

Мне нужно идти.

Что-что?

Я

Правда? Мне бы так хотелось услышать чуть больше...

Я пытаюсь передать ему книгу. Он лишь отмахивается.

Патрик

Оставьте себе. На память об интересной встрече. Мне понравилось слушать, как вы читаете.

Я

Послушайте, это не в моих правилах, но у меня был действительно дерьмовый вечер, и мне не помешала бы компания. Может, останетесь и позволите мне угостить вас выпивкой?

Патрик снова улыбается, и в уголках его глаз появляются морщинки.

Патрик

Я бы с удовольствием. Однако я женат.

Я

О, я не это имела в виду...

Патрик уже уходит. Он бросает через плечо:

Патрик

Знаю, но все именно так. В отличие от Бодлера, я предпочитаю одну и ту же, свою Венеру. Было приятно познакомиться.

Затем, словно разговаривая сам с собой, он произносит что-то по-французски.

Патрик

*Тебя б я мог любить – ты это поняла!*⁸

Я

Что это значит? Эй, может, мы могли бы...

Ничего, черт возьми. Я стою и смотрю вслед Патрику, все еще держа в руке книгу стихов. Понимаю, что впервые с тех пор, как я начала работать на Генри, мне дали от ворот поворот.

10

– В принципе, наверное, это хорошие новости, – говорю я без обиняков. – Поздравляю, миссис Фоглер. Ваш муж верен вам.

В любом случае, хорошие новости для *его жены*. Мне все еще неприятно.

Мы вернулись в номер Стеллы Фоглер. Странно, но эта новость, кажется, взволновала женщину еще больше.

– Верен! – Она стонет и заламывает руки. – Я ведь должна

⁸ Бодлер Ш. Прохожей.

была догадаться, что это не сработает. О боже! Боже!

– Что вы имеете в виду? – озадаченно спрашиваю я.

Все происходит в спешке.

– Я подумала – вдруг я все-таки смогу найти какие-то его свидетельства неверности. Что-то, способное помешать ему прийти за мной, – яростно говорит Стелла.

Что?

Я растерянно смотрю на Генри, но он отводит взгляд.

– Он понял, что это была уловка, – Стелла поворачивается к Генри. – Она не подходила для этого. Вместо этой девушки должна была быть темнокожая. Они... – Стелла Фоглер останавливается.

– Черная Венера, – медленно произношу я. – Патрик говорил об этом.

– Он никогда об этом не говорит, – резко замечает клиентка и снова обращается к Генри: – Я знала, что это ошибка.

Я начинаю злиться. И не только потому, что эта женщина ведет себя так, будто я виновата. Только сейчас я поняла, что вся эта попытка оболыщения была полной противоположностью тому, как я себе это представляла.

– Послушайте, большинство неврастенических сучек, ради которых я это все делаю, посчитали бы себя более чем везучими, – сердито говорю я. – Ваш муж не приставал ко мне, и поверьте – это впервые. Если вы использовали меня, чтобы шантажировать его, вы должны были сказать мне. – Я встаю. – Деньги, пожалуйста. Четыреста долларов.

Стелла достает из-под кровати сумку и расстегивает ее, вынимает толстую пачку банкнот. Отсчитывает четыре. Руки ее дрожат.

– Не хочу показаться неблагодарной. Я уверена, ты сделала все, что могла. Я не собиралась шантажировать Патрика. Я просто хотела немного... подстраховаться.

Я беру деньги.

– Спасибо, – холодно отвечаю я.

– Я провожу тебя, Клэр, – бормочет Генри. Едва за нами закрывается дверь, он резко разворачивает меня и кладет руку на плечо: – Эй! Что это еще такое, Клэр – *неврастенические сучки*?

– Она неврастеничка.

– И клиент, – настаивает начальник.

– Генри... Тебе не кажется, что это ад кромешный? Стелла Фоглер *хотела*, чтобы ее законный муж приставал ко мне. Невинным нечего бояться.

Он пожимает плечами.

– Ты ведь сама хотела побольше работы, не так ли?

– Ты знаешь, о чем я говорю, – произношу я. – Ты знал, что конкретно ей нужно. Боже... Я имею в виду, одно дело – обольщать отморозков, которые уже изменяют, но когда дело касается их жен...

Я недоверчиво качаю головой.

– Я ухожу.

Когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, Генри окликает ме-

ня:

– Не надо «звездить», Клэр. Тебе нравится эта работа. Ты знаешь, чего хочешь. Просто тебе не понравилось, что в этот раз твой подход не сработал. Позвони мне завтра, когда придешь в себя.

Отель «Лексингтон», фойе.

Собираясь покинуть отель, я наконец вспоминаю кое о чем еще и достаю из сумки экземпляр «Цветов зла», который дал мне Патрик. Поворачиваю обратно.

Отель «Лексингтон», коридор (продолжение).

Я снова стучу в дверь номера Стеллы.

Я

Миссис Фоглер? Стелла? У меня есть кое-что от Патрика. Думаю, эта вещь должна быть у вас.

Ответа нет.

Я

Простите?

Тишина. Я пожимаю плечами и разворачиваюсь.

Есть блестящее упражнение, созданное легендарным преподавателем актерского мастерства Сэнфордом Мейснером. В нем два актера просто повторяют слова друг друга. Это упражнение наглядно демонстрирует, что слова означают почти все, что вы от них хотите. Сценарий – вовсе не Библия, а отправная точка. Текст и подтекст.

Мы со Скоттом кружим по репетиционному залу, а остальные студенты смотрят на нас.

– Ты улыбаешься, – нетерпеливо говорю я Скотту, как будто у него должны быть хорошие новости, чтобы поделиться со мной.

– Ты улыбаешься, – отвечает он. Только Скотт произносит это так, словно мы в разгаре спора, и это доказательство того, что я не воспринимаю это всерьез.

– Ты... улыбаешься? – недоверчиво спрашиваю я, как будто Скотт даже не потрудился скрыть, что вел себя как дерьмо.

– Ты улыбаешься, – торжествующе кричит он, словно я пыталась не улыбаться, а он меня заставил.

– Ты улыбаешься, – шепчу я, будто вижу его счастливым первый раз за год.

– Ты улыбаешься, – произносит с недоверием Скотт, дескать: «А я – нет».

– Хорошо. Теперь прогоняем с этого момента, – кивает Пол.

– Ты улыбаешься, – теперь уже тоном обвинителя замечает Скотт.

– Да нет!

– Так о чем ты думаешь?

– Я думала о том времени, когда мы вместе катались по снегу.

– Это было в последний раз, не так ли? Тогда мы последний раз были счастливы.

– Отлично, – останавливает нас Пол. Остальные студенты недолго хлопают в ладоши. – Просто помните, – говорит Пол группе, – все дело в том, как именно вы используете то, что дает вам другой актер. Унция действия стоит фунта слов.

Раздается стук в открытую дверь класса. Там стоит один из администраторов с женщиной-полицейским в форме.

– Я ищу Клэр Райт, – произносит она.

Вот дерьмо!

– Это я, – говорю с натянутой улыбкой. – Чем могу помочь?

12

Женщина-полицейский ведет меня в участок, где я ожидаю в маленькой затхлой комнате на восьмом этаже. Я спросила ее, в чем дело, но женщина не ответила, а только ска-

зала, что ей велели забрать меня и совсем скоро все станет ясно. Или «через мгновение», как она выразилась.

«Должно быть, это продюсер», – нервно думаю я. Подал жалобу. Что бы ни случилось сейчас – это не к добру. Я знаю, что законы об оружии здесь не такие строгие, но не думаю, что вы можете просто так махать им перед людьми.

Наконец входит дородный мужчина в штатском и представляется как детектив Фрэнк Дурбан. Я вскакиваю и жму ему руку, стараясь произвести хорошее впечатление. Детектив Дурбан выглядит немного удивленным и указывает на молодого бритоголового мужчину с кипой бумаг, который входит в комнату за ним:

– А это детектив Дэвис.

– Мне нужен адвокат? – с тревогой спрашиваю я.

– Все зависит от обстоятельств. Что вы натворили? – говорит Дурбан. Я смеюсь, поскольку он произнес это мягко, почти в шутку, но замечаю, что он дает мне время ответить, прежде чем добавляет: – Вас не арестовали и не обвинили, Клэр. Мы просто хотим задать вам несколько вопросов. О Стелле Фоглер.

– О ком?

И тут я вспоминаю – речь идет не о продюсере.

– Насколько я понимаю, вы периодически работаете на юридическую фирму «Керр Адлер», – добавляет Дурбан, когда мы садимся. – Правильно?

– Да, это так.

– Расскажите мне об этом.

На мгновение я задумываюсь, не солгать ли – работа, может, и не профсоюзная, однако я уверена, что она нарушает мои визовые условия, но поскольку полицейские и так уже достаточно много знают, я подчиняюсь и рассказываю им обо всем: о Марси, о приманке, о скрытой камере в моей сумке. Через некоторое время Дэвис отодвигает бумаги в сторону и начинает делать заметки.

– Было ли что-то необычное в задании миссис Фоглер? – спрашивает Дурбан.

– Эм... Необычное? Ну, меня попросили встретиться с ней заранее. Такое случается не всегда.

– С чего бы это?

Я пожимаю плечами.

– Генри сказал, что она хочет взглянуть на меня. Посмотреть, подойду ли я ей.

– И как она выглядела в тот раз?

Я вспоминаю, как Стелла Фоглер ходила взад и вперед у окна.

– Что ж... Она выглядела нервной.

– Нельзя ли чуть поподробнее?

Я медленно говорю:

– Как будто она чего-то боялась.

Мужчины не смотрят друг на друга, но я чувствую, как они застывают во внимании.

– С миссис Фоглер все в порядке? – спрашиваю я.

– Просто расскажи нам, что случилось, Клэр, – просит детектив Дурбан. – Возможно, она была напугана?

Я рассказываю им о Стелле, потом о том, как я подошла к ее мужу в баре. Когда я дохожу до того места, где Патрик дает мне сборник стихов и уходит, детектив Дурбан останавливает меня.

– Думаете, он догадался, что происходит?

– Не понимаю, как он мог догадаться.

– О'кей. А миссис Фоглер? Как она отреагировала, когда вы рассказали ей, как все прошло? Она была довольна? Успокоилась?

– Не совсем.

Я повторяю ее слова о том, что она что-то узнала о своем муже. Теперь это звучит несколько зловеще. Эти двое так напряженно допрашивают меня, что мне кажется – произошло нечто плохое.

– Патрик и Стелла в порядке? Что-то случилось? – спрашиваю я, и снова они не отвечают на мой вопрос.

– Когда она вам заплатила, вы видели другие деньги? Может, в сумке? – спрашивает Дурбан.

Я отрицательно качаю головой.

– Но в свертке, который она достала, было не меньше тысячи. Она платила мне сотнями.

– Итак, вы взяли *четыре* купюры. – Дурбан делает ударение на слове *четыре*.

– Да, – озадаченно отвечаю я. – Как я и сказала. Столько

она была мне должна.

– Что случилось с остальными?

– То есть – с *остальными*?

– Мы не нашли у нее денег, – напрямую сказал он. – В то утро миссис Фоглер сняла большую сумму наличными.

Я смотрю на Дурбана.

– У нее... Вы имеете в виду – она мертва?

– Верно. – Он наблюдает за моей реакцией.

– О, боже! – в ужасе восклицаю я. – Как так вышло? Что случилось?

– Мы подозреваем убийство. Все, что я могу вам сказать.

Полицейский продолжает пристально смотреть на меня.

Выражение его лица, которое раньше казалось мне дружеским, даже отеческим, стало жестким.

– Миссис Фоглер умерла в своей комнате, незадолго до рассвета. В ту ночь вы были с ней.

– О, нет, – шепчу я. – Кошмар. Вы ведь не можете думать...

– Продолжайте, пожалуйста, отвечать на наши вопросы, Клэр. – Он снова берет меня за руку. Потом и в третий раз. Дэвис продолжает делать заметки.

– Что случилось с видео? – наконец спрашивает Дурбан. – С тем, которое было сделано скрытой камерой. У кого оно сейчас?

Я вспоминаю.

– Я отдала его Стелле. То есть миссис Фоглер. Это стан-

дартная услуга. В конце концов, она заплатила за нее.

– А сборник стихов?

– Он все еще в сумке. Я обычно не читаю стихи, но они, как ни странно, действительно интересные...

– Нам он понадобится, – перебивает меня полицейский.

Он достает пакет для улик, выворачивает его наизнанку и использует как перчатку, чтобы забрать у меня книгу.

– Вы не выясняли, что означают эти французские строчки? Какое стихотворение он, уходя, процитировал вам?

– Да, я почти уверена, что он процитировал мне строки из стихотворения «Прохожей». Оно о том, что вы видите кого-то на улице, обмениваетесь взглядами, но все равно расходитесь в разные стороны... Буквальный перевод: «О, ты, кого я любил! О, ты, кто тоже это почувствовал!»

Дурбан фыркает:

– Мда, очень мило. Я должен попытаться это запомнить.

Итак, вы покидаете отель... Что потом?

– Я встречалась с друзьями.

– В баре?

Я киваю.

– Бар «Харли». Было много людей, они могут подтвердить, что я была там в половине десятого.

– И когда вы вернулись домой?

– Около семи утра... Я кое-кого встретила.

– Имя этого человека?

– Хм... Том.

– Фамилия?

– Я уверена, что у меня остался номер телефона.

Я роюсь в сумке и нахожу клочок бумаги.

– Да! Вот он.

Детектив Дурбан внимательно изучает клочок.

– Мне кажется, это «и». Тим, а не Том. Мы свяжемся с ним.

– Что вы сделали с деньгами, Клэр? – спрашивает детектив Дэвис, впервые заговаривая.

– С четырьмястами долларами? Я отдала их соседке по комнате. У меня большие долги по квартплате перед ней.

– Да нет, не с четырьмястами, – прерывает меня Дэвис. – С двадцатью тысячами долларов, которые вы украли из номера Стеллы Фоглер.

Я смотрю на него, голова идет кругом.

– Что? Да нет, вы ведь не думаете...

– Просто ответьте на вопрос, – добавляет Дурбан.

– Денег не было – во всяком случае, такой суммы. По крайней мере, я их не видела. Получается, я – *подозреваемая*?

– Подозреваемая? – Дэвис пыхтит. – Вы, знаете ли, уже признались в записи на скрытую камеру без согласия, в работе в качестве нелегального следователя, вымогательстве и заговоре с целью шантажа. Нам просто нужно покончить с этим делом – кражей и убийством, и вот мы его раскрыли.

– С убийством?

– По словам Генри Норта, той ночью вы поссорились с миссис Фоглер.

– Я же говорила вам, она странно себя вела.

– Итак, вы ушли, размышляя о ее грубости. А потом вернулись в номер, – говорит Дэвис. – Где у нее как раз оказалось много наличных. Генри Норт рассказал нам о ваших финансовых проблемах. Должно быть, это сильно раздражает – видеть женщину, которая гораздо богаче вас.

Я озадаченно качаю головой.

– Я же сказала – вернулась лишь потому, что хотела отдать книгу. Более того, Генри сказал мне – все, что я делаю для этой фирмы, законно. Если я записываю людей в общественном месте – это совершенно нормально. И я не буду приставать, если они сделают первый шаг. – Мне приходит в голову одна мысль. – Вы его-то допрашивали?

– Конечно, и мы тщательно проверим его счет. Так же, как мы проверим ваш и этого Тима.

– Вы убили Стеллу Фоглер, Клэр? – Детектив Дурбан спрашивает так буднично, словно интересуется, кладу ли я в кофе сахар.

Я смотрю ему прямо в глаза, не обращая внимания на глухой стук в груди.

– Нет. Я ее не убивала.

Повисает напряженная тишина.

– Детектив, выйдем поговорить? – предлагает Дурбан.

Они выходят, и я слышу приглушенные голоса за дверью. Затем Дурбан возвращается один.

– Мне нужны сведения по крайней мере о трех людях, которые могут подтвердить, что вы были в баре в половине десятого, – произносит он. – После этого можете идти.

Я смотрю на него с облегчением.

– Так значит, вы не думаете, что это сделала я?

– Мы перепроверим все, что вы рассказали. Если говорите правду, то мы сможем довольно быстро исключить вас из числа подозреваемых, но не уезжайте из города, не оповестив нас. Я настоятельно советую больше не работать на эту юридическую фирму. Это расследование убийства, мисс Райт, а не иммиграционная проверка, но, если мы узнаем, что вы нарушили условия пребывания, я не замедлю сообщить эту информацию в соответствующие органы.

С этими словами он начинает собирать бумаги, раскладывая их по стопкам. Я понимаю, что все это было игрой: классический допрос в стиле «хороший и плохой полицейский», рассчитанный на то, чтобы вселить в меня страх Божий.

Это сработало. Я все еще дрожу. Если бы я сделала что-то не то, я бы призналась этим двоим в мгновение ока. Смесь уверенности, дружелюбия и агрессии превратила меня в съжившуюся развалину.

Впрочем, даже сейчас, испытывая облегчение, я ловлю себя на мысли: «Что я могу извлечь из произошедшего?»

Когда я прихожу домой, вижу Джесс с тюрбаном из полотенца на голове, она одновременно переключает каналы, просматривает «Фейсбук» и красит бледно-голубым лаком ногти на ногах.

– Хорошо прошел день? – спрашивает подруга, не поднимая глаз.

– Не слишком.

Я рассказываю Джесс о полиции, об убитой клиентке. Вскоре она уже смотрит на меня с открытым ртом.

– Я чувствую себя ужасно, – заключаю я. – Если не считать персонала отеля, мы с Генри, судя по всему, были последними, кто видел Стеллу Фоглер живой.

– Они сказали, как она умерла?

Я в который уже раз качаю головой.

– Все расплывчато. Судя по тому, как они меня допрашивали, это было ограбление. Вероятно, мне придется дать показания в суде.

На мгновение в моей голове начинает разворачиваться непрошенная сцена:

Нью-йоркский зал суда, день.

Клэр Райт, одетая, как Вера Майлз в фильме «Не тот человек» – внешне хладнокровная и отчужденная, но явно нерв-

ничает внутри.

Прокурор

Мисс Райт, спасибо, что пришли. Ваши показания будут иметь решающее значение для исхода этого процесса...

– Ты сказала: «Фоглер»? – перебивает меня Джесс.

– Да. А что?

– В новостях какой-то сюжет о нем показывают. – Она нажимает на пульт и указывает на телевизор. – Вот здесь.

На экране – Патрик Фоглер. Его красивое лицо потемнело от усталости. Он стоит перед многоквартирным домом и разговаривает с целой батареей микрофонов. Вспышки мелькают на лице Патрика.

– Это он, – говорю я. – Сделай-ка погромче!

По мере увеличения громкости мы слышим, как он говорит:

– ...благодарен за любую помощь, любую помощь вообще, которую вы можете оказать полиции Нью-Йорка.

Он останавливается, и шквал вспышек удваивается.

Кто-то сзади кричит:

– Каковы были ваши отношения с женой?

– Пресса – настоящая засада, – многозначительно говорит Джесс. – Ты знаешь, что *это* значит, не так ли?

– Что он разговаривает с прессой?

– Нет, глупая. Полиция считает, что преступление совер-

шил Патрик Фоглер.

Джесс вздыхает под впечатлением от моего непонимания.

– Полиция знает, кто это сделал, но адвокат не дает им возможности задавать по-настоящему сложные вопросы. Они оповещают газеты, и журналисты теперь могут задавать вопросы за полицейских. Когда ты в следующий раз увидишь Патрика, он уже будет в наручниках.

Я вспоминаю встречу со Стеллой и ее странные слова.

Стелла

Обещай, что будешь осторожна.

Я

Почему бы вам не рассказать мне о вашем муже, миссис Фоглер?

Стелла

Он не похож ни на одного мужчину, которого ты когда-либо встречала. Я говорю сейчас на полном серьезе. Не поворачивайся к нему спиной. Не доверяй ему. Обещаешь?

Я думала, она имела в виду, что Патрик Фоглер – извращенец. Конечно, это было до того, как я его встретила: меньше всего он напоминал озабоченного, но, может, Стелла имела в виду нечто совсем другое?

Не *его* ли так боялась моя клиентка? Или, во всяком слу-

чае, не так ли детектив Дурбан представил эту сцену, когда я ему ее описала?

Я снова смотрю на экран телевизора, на Патрика Фоглера – такого спокойного, умного, симпатичного – и думаю, что его невозможно представить преступником.

– Он не может быть виновным, – произношу я. – Я в это не верю. Не забывай, что он не отреагировал на мои приставания. Хороший, привлекательный, верный парень.

– Не вешай мне лапшу на уши, – произносит Джесс, вытирая волосы полотенцем. – «Таких не бывает» – как ты обычно говоришь.

14

Весть об убийстве попала на первые полосы. Оттуда ее подхватили блогеры и комментаторы. Каждый выдвигал свою версию произошедшего. Во-первых, они считают, что это неудачное ограбление. Несколько лет назад вооруженная банда орудовала в элитных номерах в отелях Мидтауна, держа гостей под прицелом. Членов банды приговорили к тюремному заключению, и с тех пор на Манхэттене отели не грабили. Тем не менее, в социальных сетях писали о том, как это отразилось на туристической отрасли. Посетителям рекомендовалось держать двери гостиничных номеров на цепочке.

Вскоре внимание переключается на Стеллу. Что дела-

ла женщина, живущая на другом конце города, в Морнингсайд-Хайтс, в отеле, расположенном неподалеку? Есть две версии: во-первых, что она поссорилась с мужем, а во-вторых, что ждала любовника. Также ходят слухи, что из ее номера была украдена крупная сумма наличных, и эту информацию полиция как раз и отказывается подтвердить или опровергнуть.

Горничная Консуэла Альварес, обнаружившая тело, рассказала репортеру, что в комнате были следы борьбы. По ее словам, тело Стеллы оставили на кровати и накрыли простыней. Заплакав, Консуэла описала разбитую голову, «залитую диким количеством крови».

Судя по всему, камеры наблюдения в отеле не дали никакой полезной информации.

Постепенно две теории начинают сливаться воедино. Стелла *ждала* любовника. Она отдалилась от мужа. Вот почему Патрик Фоглер убил Стеллу – подразумевалось под этим.

Конечно, я знаю, что это неправда. Стелла остановилась в отеле только для того, чтобы я могла попробовать обольстить Патрика, и какие бы семейные проблемы ни возникали у них, ее муж не был склонен к измене, что, в свою очередь, означало: Патрик, по крайней мере, верил в разрешение этих самых семейных проблем. И полиция тоже обо всем в курсе. Я все жду, когда же они прекратят нагонять туману и расскажут обо мне журналистам, но по какой-то причине

они этого не делают. Они не возвращаются и больше не задают вопросов.

Я рассказываю нескольким друзьям, что в тот вечер я была со Стеллой Фоглер, но только нескольким. Мне совсем не хочется, чтобы мою внештатную деятельность обсуждали в каком-то блоге. В любом случае, я не могу удовлетворить интерес моих друзей к ужасным деталям, касающимся преступления, поскольку я ничего не знаю. Я в таком же неведении, как и все.

Когда через две недели я не получаю никаких известий от полиции, я звоню Генри.

– Клэр, – говорит он. Скорее утверждение, чем вопрос. Словно Генри удивился.

– Мы можем встретиться? Я хочу тебя кое о чем спросить.

Повисает пауза, после чего раздается его голос:

– Хорошо, но не в офисе.

Генри называет отель, где мы уже несколько раз работали.

Когда я пришла, он уже сидел за стойкой, в самом конце зала, где нас не сможет услышать бармен. Я присоединяюсь к нему.

– Я думала, ты что-то слышал, – говорю я. – Я имею в виду о расследовании.

– Все, что я слышу, это то, что они ничего не добились. – Он пожимает плечами. – Однако они больше не считают, что мотивом было ограбление. Видимо, есть конкретные детали,

указывающие на мужа убитой.

– Какого рода детали?

Я спрашиваю, удивляясь тому, что Джесс, возможно, права.

– Они не говорят, какие именно. Все достаточно банально. Они могут внезапно выпускать подозреваемых, например, на время проведения интервью. Однако прозвучало слово *бешеный*.

Генри искоса смотрит на меня.

– Они доставили тебе много хлопот?

Я киваю.

– А тебе?

– Ничего такого, чего бы я не делал с другими. Они просто выполняют свою работу.

– Генри... Могу ли я еще что-то сделать для тебя? Мое положение становится отчаянным.

– Ни за что, – говорит он. – Фирме и так повезло, что нас не оштрафовали за нелегального работника. Если б я не был бывшим копом, не думаю, что они дали бы нам такую поблажку. – Он колеблется. – Дело также в том, что мы все равно собирались отказаться от твоих услуг.

– Потому что у меня не было нужных документов?

Генри качает головой.

– Поступила жалоба. От адвоката. Парня по имени Рик. Помнишь его?

Помню, конечно. *В Сиэтле за это платят много.* Когда

я показала пленку его жене, в ее глазах сквозь слезы горел гнев.

– Через пару дней после вашей встречи Рик дал письменные показания под присягой. Он утверждал, что после того, как ты встретила его в баре, ты поднялась к нему в номер и занялась с ним сексом, а потом взяла тысячу долларов, которые он тебе дал, и только *потом* продала видео жене. Это, конечно, делает тебя виновной в уголовном преступлении, а нас – соучастниками. Подобный расклад сделал бы видео неприменимым в бракоразводном процессе.

– Он лжет, – говорю я с остервенением. – Просто просмотри запись.

– Видео заканчивается тем, что ты говоришь ему: «Иди вперед, встретимся в номере». Затем ты выключила камеру. Рик предоставил полную временную шкалу событий, Клэр, а также чеки из бара и информацию о ключе. Сколько времени ты провела в отеле – два часа? Достаточно для его версии.

– Видео заканчивается, потому что я получила то, что мне было нужно, – настаиваю я. – На это ушло два часа. Я целый час ждала, когда он встанет из-за стола. Господи, Генри, ты ведь знаешь, как я работала!

– Я знаю, тебе нравилось менять обличья. Я никогда не задавал тебе слишком много вопросов, пока мы получали нужное.

– Я никогда такого не делала, – категорически заявляю я. – Господи, этот Рик – подонок. Подонок и адвокат. Он

точно знал, как именно солгать, чтобы исключить это видео из показаний его жены.

– Я не о его словах, Клэр. Я просто говорю о том, что такие доводы нам будет очень сложно опровергать, и все задания, которые после этого ты выполнишь для нас, будут запятнаны с точки зрения улик. Поэтому-то руководство настоятельно посоветовало мне найти кого-нибудь другого. Если бы ты не позвонила и не сказала, что тебе нужны деньги на аренду жилья, я бы никогда не позволил тебе работать со Стеллой Фоглер. Считай это своеобразным «последним концертом» – в память о старых временах.

Я чуть не зарыдала от такой несправедливости.

– Что ж, значит, я теперь не могу работать в фирме, но ведь должен же существовать какой-то другой способ...

Генри качает головой.

– Даже и не начинай. Послушай-ка, ты – великолепна. Мне было очень приятно с тобой работать, и я надеюсь, что наши пути когда-нибудь снова пересекутся. Но не в этот раз.

Он машет бармену:

– Счет!

15

Прошло три месяца, а может, и больше.

Какое-то время убийство в отеле «Лексингтон» оставалось сенсацией, обсуждаемой в интернете, в барах и офи-

сах. Затем звезду телесериала фотографируют в клубе свингеров, туннель Линкольна закрывается на ремонт, а президент отправляет еще больше войск на Ближний Восток.

Жизнь продолжается.

Отец Джесс дает мне небольшую отсрочку по арендной плате. Однако без работы на юридическую фирму мне приходится делать то, чем я бы никогда не занялась без крайней нужды. Вещами, о которых я не люблю думать и о которых больше никто не знает.

Что угодно, лишь бы продолжать играть.

Часть вторая

16

Комната залита солнечным светом. Нас восемь, мы лежим на полу в виде морской звезды, уставившись в потолок, наши головы почти соприкасаются.

– Это очень старая импровизационная игра, – слышится слева от меня голос Пола. – Она называется «История рассказывает сама себя». Мы будем отбивать ритм по полу. И каждый раз, когда мы ударяем, будем по очереди добавлять одно слово к рассказу.

– О чем этот рассказ? – спрашивает кто-то.

– Понятия не имею. В том-то и дело. Никто не знает. Рассказ уже есть. Все, что нам нужно сделать, это выпустить его на свободу.

В последнее время упражнения стали сложнее. Пол заставлял нас целыми днями называть вещи не теми именами, просто чтобы узнать, как мы их ощущаем. Он заставлял разыгрывать безумных персонажей: коммивояжера с чемоданом, набитым свитерами из жирафьей шерсти, солдата, вооруженного невидимым пулеметом. Затем он послал нас в качестве персонажей приставать к прохожим на улице. К мо-

ему удивлению, прохожие чаще всего слушали все это с удовольствием. Или я совершенствуюсь в этом, или Нью-Йорк становится все более сумасшедшим, когда жара бьет в голову.

И с каждым упражнением Пол напоминает нам об одном-единственном правиле. *Игра – это не притворство. Вся суть в слове. Игра – это действие. Бытие. Становление.*

– Поехали, – произносит он, хлопая ладонями по полу.

Медленный, скачущий ритм. Постепенно мы все его подхватываем.

– Однажды, – начинает он.

Немного сбиваясь с ритма, студент слева от него продолжает:

– Давным.

– Давно.

– Жила.

– Была.

Вдруг наступает моя очередь. *Не думай, действуй.* Хотя, по правде говоря, у меня нет времени ни на то, ни на другое, ритм заставляет меня сказать первое, что приходит в голову.

– Принцесса.

И история продолжается, набирая обороты по мере прохождения по кругу. Сказка, что-то о принце, который влюбляется в статую в своем саду.

В следующий раз Пол все усложняет. Если вы колеблетесь, то выпадаете из игры. И ритм будет ускоряться с каждым

разом. Необходимо научиться инстинктивно реагировать в конкретный момент, объясняет он.

На этот раз он не начинает с чего-то столь очевидного, как «однажды». И появляется странная блестящая история, темная фантазия о маленькой девочке, которая живет на кладбище среди воронов и ворон.

Один за другим студенты спотыкаются, поднимаются на ноги.

Все, кроме меня.

И в конце концов мы остаемся вдвоем, я и Пол, лежащие под прямым углом на полу, как две стрелки часов. Наши руки хлопают по половицам в тройном темпе, слова текут так густо и быстро, словно мы их выучили наизусть.

Я чувствую себя одержимой, возбужденной, плененной. Как будто я всего лишь рупор другой личности. Хозяйка какого-то духа вуду. Настоящая «я» уничтожена, уничтожена силой, которая сильнее любого оргазма.

Теперь я понимаю. *Не думай.*

Наконец он останавливается, а я живу там еще несколько секунд, приходя в себя, наслаждаясь моментом.

Группа молча наблюдает. Обычно в конце хорошего упражнения они аплодируют. Я поднимаю голову и смотрю. Коп стоит рядом с ними. Детектив Дурбан.

– Мисс Райт, – произносит он. – Клэр, мы можем поговорить?

Я веду его в кафетерий. Вокруг нас группами по два-три человека сидят студенты, болтают или работают на ноутбуках. Слишком жарко для кофе. Детектив достает нам из автомата диетическую колу.

– Америка, – бормочу я смешным голосом янки, когда он протягивает мне колу. – Земля некалорийная.

Он не улыбается. Я замечаю, как он устал.

– Я хочу, чтобы вы помогли нам, Клэр, – резко говорит он.

– Конечно, что угодно, если смогу. Как?

– Мы возвращаемся к старой теме об убийстве Фоглер. Перепроверяю показания, смотрю, не пропустили ли мы чего-нибудь в первый раз.

– Вы ведь никого не арестовали? Я читала в интернете.

Дурбан хмурится.

– Мы исключили из нашего расследования очень многих людей. Включая сто двадцать шесть постояльцев отеля «Лексингтон». Мы не сидели сложа руки.

– Извините, я не хотела...

– Хотя большая часть нашей работы сосредоточена на одном человеке, – добавляет он.

– На мужа, – говорю я. – На Патрике.

На это он не отвечает.

– Вы можете вспомнить детали разговора с мистером Фо-

глером?

– Конечно.

– У нас есть новый человек в деле. Психолог. Я бы хотел, чтобы вы с ней встретились.

– Разумеется, если вы думаете, что это будет полезно...

Когда?

– Было бы неплохо прямо сейчас.

Я бросаю взгляд в сторону репетиционной.

– У меня занятие.

– Это важно, Клэр.

Его тон стал жестче.

– Просто... я не вижу, чем могу помочь. Мы с Патриком Фоглером говорили всего несколько минут. Я его не заинтересовала.

Дурбан кивает.

– Возможно, но почему он ушел?

– Что вы имеете в виду?

– Фоглер. Когда вы попытались его снять, то сказали, что он, казалось, стремился уйти. Вот об этом я и думаю. Поскольку он собирался домой, а его жены не было в городе, к чему такая спешка? Зачем прерывать разговор с дружелюбной молодой женщиной, которая готова обсуждать французскую поэзию, как будто ей действительно это интересно?

– Может быть, я ему наскучила.

– Это один из вариантов.

– Есть еще?

Он не отвечает прямо. Я понимаю, что с этим человеком поток информации всегда односторонний.

– В любом случае, я бы хотел, чтобы вы поговорили с психологом. – Он перегибается через стол. – Слушайте, я так и не доложил о вас своим друзьям из иммиграционной службы, но еще не поздно.

– Похоже, у меня нет выбора, – говорю я с натянутой улыбкой.

– Нет, – соглашается он. – На самом деле нет.

Мы берем такси. Дурбан называет адрес в Юнион-Сити. Водитель выключил кондиционер, чтобы сэкономить топливо. А это первый по-настоящему жаркий день мая, и мы потеем на виниловых сиденьях. Юбка задирается, оголяя ноги, и раз или два я вижу, как детектив Дурбан кидает взгляд на них, а потом отворачивается и смотрит в окно.

17

Мы останавливаемся перед отвратительным невзрачным офисом в квартале, полном уродливых зданий и пустых парковок. Окна не мыли десятилетиями, краска на рамах облупилась.

Охранник на стойке регистрации просит меня расписаться. Я не вижу ни одного человека, пока мы идем по длинному душному коридору. Наконец детектив Дурбан стучит в

дверь, на табличке которой написано: «Офис № 508. Доктор Кэтрин Лэтэм, Американский совет по семейной практике, судебный психолог».

– Войдите, – отвечает женский голос.

В комнате за дешевым деревянным столом работает на ноутбуке женщина. На вид ей лет шестьдесят, может, больше. Ее волосы, такие седые, что кажутся почти белыми, коротко подстрижены. Одета она более стильно, чем я ожидала. Женщина поднимает глаза – голубые и пронизательные.

– Клэр Райт, да?

– Клэр, доктор Лэтэм, – произносит Дурбан, представляя нас друг другу.

– Зовите меня Кэтрин. И садитесь. Надеюсь, вы не возражаете, если я буду записывать?

Она кивает на одну из стен, которая, как я теперь вижу, сделана из темного зеркального стекла. Какое-то двустороннее зеркало, за которым я могу разглядеть красную точку включенной камеры. Я машинально расправляю плечи, словно на кастинге, и только потом понимаю, как это глупо.

– Итак, – говорит доктор Лэтэм. – Расскажите мне о вашей встрече с Патриком Фоглером.

Я рассказываю ей все, что помню, подчеркивая, что Патрик все время вел себя достойно. Доктор Лэтэм слушает, наклонив голову, взгляд голубых глаз ничего не выражает.

Когда я заканчиваю, она кивает.

– Спасибо, Клэр. Вы мне очень помогли.

– И это все? – удивленно спрашиваю я.

– Конечно, вы можете идти.

– Кэтрин... – протестует детектив Дурбан, будто это не то, что он надеялся услышать.

– Она не подходит для этого, Фрэнк, – твердо говорит Кэтрин Лэтэм.

– Для чего не подхожу? – нахмурясь, спрашиваю я.

– Клэр, можете дать нам минутку? – просит Дурбан. – Просто подождите в коридоре.

Я выхожу, и он закрывает за мной дверь. Я слышу их громкие голоса, но даже когда прижимаюсь ухом к двери, не могу разобрать, о чем они говорят.

Следующая дверь должна вести в комнату за двусторонним зеркалом. Я осторожно открываю ее на случай, если там кто-то есть, готовая сказать, что просто искала туалет.

Но комната пуста, если не считать монитора и маленькой камеры на штативе. Звук включен, и я прекрасно слышу голоса.

Голос детектива Дурбана

...свой класс. Она хороша. Она может *играть*.

Голос Кэтрин Лэтэм

Они все *играют*, Фрэнк. Модели, актрисы, да кто угодно. Это не значит, что она может сделать что-то подобное.

Голос детектива Дурбана

Она из «Ритма» – актерского студийного курса. Мне сказали, что они очень избирательны. И она... привлекательна.

Голос Кэтрин Лэтэм

(многозначительно)

Правда, Фрэнк?

Голос детектива Дурбана

Конечно, у нас есть женщины-копы, которые могут это сделать. Не в обиду моим коллегам, но ты их видела? Я думаю, у Клэр с ним больше шансов.

Голос Кэтрин Лэтэм

В прошлый раз не получилось.

Голос детектива Дурбана

Он отдал ей книгу. Ты сама сказала – для него это близость.

Повисает пауза, во время которой Кэтрин Лэтэм размышляет о его словах. Когда она вновь заговаривает, ее голос звучит чуть менее выразительно.

Голос Кэтрин Лэтэм

Тем не менее, ты не можешь обойти тот факт, что она

гражданская. Это вопрос безопасности.

Голос детектива Дурбана

Мы будем рядом, если что-нибудь случится. И самое замечательное в ней то, что у нее нет учетной документации. Нет банковского счета, нет номера социального обеспечения, чтобы он мог проверить. Она может быть кем угодно.

С меня хватит. Я возвращаюсь в коридор и захожу прямо в кабинет доктора Лэтэм без стука.

– Я сделаю это, – говорю я. – Что бы это ни было, но вы должны заплатить мне.

Это неплохой ход, но Кэтрин Лэтэм выглядит невозмутимо.

– Вы хоть понимаете, о чем мы говорим?

Я пожимаю плечами.

– Я кое-что уловила.

– По крайней мере, не повредит объяснить ей, – тихо проносит детектив Дурбан.

Доктор Лэтэм минуту, не мигая, изучает меня.

– Очень хорошо. У нас есть подозреваемый в убийстве Стеллы Фоглер...

– Ее муж.

– Пожалуйста, не перебивайте. У нас есть подозреваемый. Этот человек очень умен, очень дисциплинирован. Его нельзя спровоцировать или обманом заставить раскрыть се-

бя. Есть предположение – операция под прикрытием может быть успешной там, где другие методы потерпели неудачу.

– Вы имеете в виду – заманить его в ловушку?

– Это не ваша ловушка, – говорит с иронией доктор Лэтэм. – Это будет очень сложная, психологически обоснованная операция. Подозреваемому будет предложено раскрыть различные аспекты его личности, которые можно сравнить с моим портретом убийцы Стеллы Фоглер. Если они совпадут... Это бы убедительно указало на то, что подозреваемый и убийца – одно и то же лицо.

– Это опасно?

– Конечно!

– На вас будет прослушка, – успокаивает Дурбан. – У нас будут люди, готовые вытащить вас.

– Если я это сделаю, сколько мне заплатят?

– Кто бы ни был приманкой, он будет удовлетворен, зная, что выполняет свой гражданский долг, – ледяным тоном произносит доктор Лэтэм. – Женщина умерла, Клэр.

– Мы, вероятно, могли бы заплатить что-то, – добавляет Дурбан.

– Мне нужна грин-карта, – медленно произношу я. – Полная оплата и грин-карта.

– Это невозможно, – качает он головой.

– Вы сами сказали, что у вас есть друзья в иммиграционной службе.

– Никакой грин-карты не будет, – перебивает доктор Лэтэм.

эм. – Потому что никакой операции не будет. Вы не станете этого делать.

Мы оба смотрим на нее.

– По крайней мере, до тех пор, пока я не разрешу, – добавляет она.

18

Я подписываю несколько бланков, и доктор Лэтэм проводит со мной серию психологических тестов: тест Векслера, Миннесотский многоаспектный личностный опросник, Опросник Хаэра для выявления психопатии. Она заставляет меня держать электроды в руках, а сама выводит изображения на экран: собаки, дети, облака, а потом внезапно – нож, порнография и снова облака.

Однако в основном мы разговариваем.

– Почему вы решили жить в Нью-Йорке, Клэр?

Я пожимаю плечами и парирую:

– Почему бы и нет?

Доктор Лэтэм пронизательно смотрит на меня.

– Вы ведь были приемным ребенком, не так ли?

– Верно, – подтверждаю я, удивляясь, откуда она это знает.

– Вы хорошо ладили со своей приемной семьей?

– С *семьями*. Во множественном числе. Они не хотели, чтобы мы слишком привыкали к новому дому. Так что мой

ответ: «Не слишком хорошо».

Доктор ждет, когда я продолжу говорить.

– Вот возьмем даже ту семью, в которой я провела больше всего времени, – наконец говорю я. – Джули и Гэри. Джули работала менеджером в службе здравоохранения. Гэри работал в отделе маркетинга. Со стороны они выглядели счастливой семьей... по крайней мере, когда рядом были социальные работники. Мне было лет одиннадцать, когда я поняла, что Джули и Гэри друг друга недолюбливают, но чересчур привязались друг к другу. Если они разведутся, то потеряют дополнительный бизнес – приемное родительство, десять тысяч фунтов на ребенка в год без учета налогов. Так они и боролись друг с другом, изображая, что в их семье все в порядке.

Я замолкаю.

– Продолжайте, – тихо говорит доктор Лэтэм.

– Примерно через год я впервые заметила, что Гэри смотрит на меня как-то по-другому. Если я сталкивалась с ним, выходя из ванной, он улыбался, как будто у нас был какой-то общий секрет. Однажды я порезала ногу и помню, как он проводил руками вверх и вниз по ней, чтобы посмотреть, насколько все плохо. Иногда он гладил меня по спине... Сначала мне это нравилось. Я имею в виду, это ведь лучше полного игнорирования, верно? Наконец-то у меня появилось что-то, что заставило его обратить на меня внимание – что-то, чего не было у его жены. Прошло некоторое время, прежде чем

я поняла, о чем именно шла речь. Он никогда не совершал ничего противозаконного. Во всяком случае, ничего серьезного. Просто несколько раз лапал меня, когда я совершала ошибку – оставалась с ним наедине. Меня не удивило, когда Джули в конце концов его выгнала, и Гэри сбежал с женщиной с его работы.

Доктор Лэтэм кивает.

– А работа, которую вы проделывали для той юридической фирмы? Что вы чувствовали тогда? – спрашивает доктор, и я понимаю, что для нее это весьма важный вопрос.

Я делаю удивленное лицо:

– Это была дерьмовая работа, которая оплачивала мою аренду.

– И все, Клэр?

– Послушайте, – говорю я, немало раздраженная ее настойчивостью. – Эти женщины думали, что если я могу так легко обольстить их мужей, то они не стоят того, чтобы жить с ними, но реальность такова, что любой другой мужчина на их месте поступил бы так же. Таковы мужчины.

– Думаю, это довольно циничная точка зрения. Может, женщины просто хотели доверять своим партнерам?

– Тогда они и должны доверять им, не проверяя на вшивость. Мужчина думает членом. Смиритесь с этим.

– Любой мужчина, Клэр? – тихо спрашивает доктор Лэтэм. – Или мужчины, похожие на вашего приемного отца?

Я смотрю на врача. Я наконец-то поняла, к чему она кло-

нит.

Я

Моя работа... По вашему мнению, я просто разыгрываю историю своего детства?

Я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы.

Я

Я разрушаю чужие семьи, точно так же, как была разрушена моя. Наказываю этих людей, потому что в детстве рядом со мной никого не было. У меня не было любящего отца. В моей жизни главенствовал лишь какой-то скользкий извращенец, желавший меня пощупать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.